

СЕРИЯ «БЛАГОСЛОВЕНИЕ» ИМ. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Ольга Трибанова

СЛЕПЫЕ И ПРОЗРЕВШИЕ

Книга первая

«Благословение» им. Сергия Радонежского

Ольга Грибанова

Слепые и прозревшие.

Книга первая

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Грибанова О. В.

Слепые и прозревшие. Книга первая / О. В. Грибанова —
«ИП Березина Г.Н.», 2020 — («Благословение» им. Сергия
Радонежского)

ISBN 978-5-907350-03-8

Эта история о безрассудной любви, беспредельной жестокости и запоздалом раскаянии началась много веков назад и не завершилась смертью ее героев. Новые герои, живущие в советской России XX века, несут на себе груз не прощенной самим себе жестокости. Они и сами не догадываются, почему так странно складывается их жизнь. Им предстоит встретиться заново, исправить все ошибки и искупить все грехи, чтобы прийти к счастью. А это счастье так непохоже на привычные представления о нем! Пожалуй, никто и не догадается, что это счастье...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-03-8

© Грибанова О. В., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Пролог. Средневековая новелла	7
I. Навстречу	9
1. Середина XX века. Город Ленинград	9
2. Пять лет спустя	12
3. Счастливая жизнь	18
4. Сказочное лето	21
5. Крещение	29
6. Страшный год	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Владимировна Грибанова

Слепые и прозревшие. Книга первая

© О. Грибанова, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

* * *



Грибанова Ольга Владимировна родилась в г. Санкт-Петербурге (Ленинграде). Окончила русское отделение филологического факультета ЛГУ (ныне СПбГУ). 20 лет работала в школе преподавателем русского языка и литературы.

С 2008 года публикует свои работы на различных ресурсах в интернете. В 2017 году на Ridero был опубликован сборник поэзии «Глоток воды» и сборник прозы «Миг рождения».

Лауреат второй степени в номинации «Поэзия» Первого Международного литературного фестиваля им. А. С. Пушкина. Лауреат литературного проекта «Автограф» им. Антуана де Сент-Экзюпери.

В 2018 году в Израиле в издательстве Best Nelly media вышла книга поэтессы Веры Горт с литературоведческими комментариями О. В. Грибановой «Как олень спешит к водою...» – поэтические переложения псалмов.

Работы автора опубликованы в сборнике Интернационального Союза писателей «Новые имена в литературе».

В 2019 году в Интернациональном Союзе писателей вышел сборник прозы, включающий три рассказа и повесть-фэнтези «Неведомый путь».

Работы автора в 2019 году были отмечены Благодарностью от депутатов Государственной думы.

Пролог. Средневековая новелла

Неисповедимы пути, дарованные Творцом каждой твари Своей.

Вотще мы, ничтожные слепые создания, дерзаем рассмотреть свою дорогу в туманной дали грядущего. Мы мостим свой путь серебром и золотом, устилаем его бесценными тканями, умащаем дивными благовониями и мним, что ведет сей путь к счастью.

И сколь ужасно бывает наше позднее прозрение...

В старые времена жил в этих краях богатый и знатный синьор. Взял он в жены девицу высокого рода, редкой красоты и прекрасной души. И было бы его счастье безмерным, коли благословил бы его Бог чадом. Но, к печали великой, не было у них детей, хоть прожили они много лет в честном супружестве. Молились супруги, слали небу горячие слезные мольбы. И наконец Небо услышало их.

Объявила жена супругу своему радостную весть, и возрадовался синьор всей душой и излил счастливые слезы. Окружил он будущую мать любовью и заботой, спешил исполнить любое ее желание.

Но вот однажды, когда срок родин был уж близок, поведала жена мужу свой удивительный сон:

– Снилось мне, супруг мой и господин, что иду я по прекрасному саду, усыпанному диковинными фруктами, да в рот не беру их – не к ним душа моя стремится. И вдруг предо мною роскошная крона с золотыми плодами, и каждый из них медовым соком наполнен. Тяну я к ним руку, тяну что есть сил моих, а достать не могу. О супруг мой, как бы я хотела наяву вкусить от сих золотых плодов!

Позвал супруг заморских купцов, и вскоре у ног будущей матери выросла целая гора чудных фруктов со всего света. Но равнодушно взглянула на них женщина:

– Здесь нет того, что мне снилось.

– Да полно! Знаешь ли ты сама, чего хочешь? – осердился муж.

Ничего не сказала ему супруга, только тихо глаза опустила. А на другой день ушла из жизни, в великих муках родив красавицу дочь.

Неизмерима была скорбь мужа. Не мог он себе простить, что попрекнул жену ее последним желанием. Похоронил он ее у тихого озера, окружив могилу кустами душистой сирени, поставил маленькую часовню и ежедневно приходил сюда вспоминать и печалиться на пустынном берегу. И только белые лебеди разделяли его одиночество, вздымая роскошные белые крылья.

И здесь, возле могилы безвременно угасшей супруги, дал он пред образом Мадонны безрассудную клятву: в память о жене исполнять любое желание дочери, каким бы оно ни было.

Так и росло дитя бесконечно любимым и балуемым, потому и стало гордым и своевольным. Но красота девочки радовала глаз, детская улыбка согревала сердца, и своеволие прелестного ребенка не было никому в тягость.

Выросло дитя и превратилось в прекрасную собой девицу. Услышав о ее красоте, стали съезжаться в дом знатные синьоры в надежде породниться с богами и высокородным семейством. Но дочь безучастно взирала на всех искателей ее руки, а отец не мог и помыслить о том, чтобы выдать замуж против ее воли.

В честь пятнадцатилетия дочери замыслил отец роскошный пир и пригласил музыкантов, дабы усладить чудными звуками гостей. И был среди музыкантов один молодой, прекрасный собой лютнист. Увидел он девушку, сверкавшую среди гостей подобно алмазу, в простой камень вкрапленному, и вспыхнула в сердце его любовь. Взял он в руки лютню, вышел на

середины зала и запел хвалу прекрасной звезде. Любовь слова ему подсказала, любовь устами его пела.

Притихли гости. А прекрасная синьорина спустилась в зал и, забыв гордость, одарила музыканта алой розой из своего праздничного убора. Одарив, взглянула нечаянно в его пылающие страстью глаза – и запылала сама.

Безрассудна была любовь знатной девицы к бедному музыканту, лишь беду сулила она всем. Но не привыкла синьорина отказывать себе ни в чем, и, промаявшись до глубокой ночи, спустилась она в сад, где под открытым небом нашли себе ночлег музыканты.

Сама нашла юного лютниста в ночной тьме, сама упала в его объятия, и были они счастливы каждую ночь несколько долгих недель.

Но за украденное у судьбы счастье приходит неминуемая расплата. Почувствовала своевольница в себе биение новой жизни и в слезах бросилась к ногам отца, умоляя скрыть ее грех, выдав замуж за любимого.

В великом гневе синьор оттолкнул от себя падшую дочь, велел запереть ее в светлице под кровлей высокой башни замка и не выпускать оттуда до самых родин, чтобы не открылось миру великое бесчестие.

А молодого лютниста привели к нему в цепях.

– Как смел ты, ничтожный, взглянуть с вожделием на дочь мою?

Отвечал юноша смиренно:

– Прости, господин мой, красота дочери твоей ослепила меня и лишила воли.

Но не смягчила разгневанного отца его кротость.

– Ах, так ее красота тебя ослепила? – вскричал он в ярости. – Так оставайся же слепым до конца дней!

И передал юношу в руки палача.

К вечеру умер лишенный глаз музыкант, не вынеся жестоких мук.

А своевольница между тем, не зная о его плачевной участи, металась, запертая в башне, рыдала от уязвленной гордости и проклинала всех виновников своего заточения: и отца, и юношу, и собственное свое нерожденное дитя.

И, возлюбя ее гнев, подсказал ей сатана, как отомстить им всем разом. Растворила она тяжелое решетчатое окно и, обезумев от злобы и гордости, бросилась вниз, прямо в заросли сирени, сомкнувшие над ее телом свои душистые ветви. Жалобно крикнули на пруду встревоженные лебеди, распахнули крылья и улетели прочь от этого страшного места.

И принесли отцу два холодных мертвых тела юных любовников.

И разорвал отец на себе одежды, упал с криком на труп дочери: «Да воздастся мне вдвойне за мое злодейство!»

А когда тела несчастных предали земле, раздал он свое богатство нищим, оделся в рубище и ушел по пыльной дороге в неведомые края. И где кончил он свои скорбные дни – никому не ведомо.

2000 год

...и Саша, обернувшись в дверях, увидел, как растеклось лицо отца кровавой кашей, и медленно повалился он с подкосившихся ног головой на ступени. Бессильно разжались и сползли руки его, зажимавшие глазные впадины.

Увидел Саша все это и закричал страшно, как зверь, вцепившись пальцами себе в рот...

I. Навстречу

1. Середина XX века. Город Ленинград

Работники Дворца бракосочетания переговаривались между собой: «Вот это пара! Красивее еще не было!» Легкая, стремительная чернокудрая Альбина с глазами персидской княжны и русобородый богатырь Анатолий, настоящий Стенька Разин!

Случившийся здесь в этот день корреспондент молодежного журнала лихорадочно строил в блокноте и щелкал фотоаппаратом. Эта пара была настоящим олицетворением молодежи 60-х годов. Два интеллигента: она – аспирант-микробиолог, он – выпускник Академии художеств.

И свадьба – самая образцовая, самая современная. Жаль, корреспондента на эту свадьбу никто не пригласил, так что пришлось додумывать детали самому!

А было оно так. Много-много молодежи, много-много танцев под патефон, много-много песен под гитару и только два старика: седенькая мама Анатолия и стройный, с военной выправкой и орлиным взглядом папа Альбины. Но они никому не мешали.

Виктор Игнатьевич Левин чинно молчал в углу и вдумчиво занимался напитками. А Кира Константиновна тихо сияла, как девочка, и даже пропела для студентов всех времен хрустальным голосом «Гаудеамус игитур».

Молодожены были в этой компании самыми серьезными людьми. Они скромно улыбались, с достоинством принимали озорные поздравления, ели все, что стояло перед ними, танцевали, когда требовалось, и целовались, когда было «горько».

И через девять месяцев Анатолий, как и положено образцовому супругу, привез Альбину в роддом.

Альбина твердо знала, что едет рожать сына. Она приготовилась к этому сама и приготовила мужа:

– Я выращу из него настоящего мужчину!

Анатолий добродушно улыбался, соглашаясь с тем, что настоящего мужчину может вырастить только она.

А Кире Константиновне, своей свекрови, Альбина заявила: «Какие вы всегда глупости говорите!» – когда та предположила, что скоро будет нянчить маленькую внучку. Какая может быть внучка?! Что за ерунда?!

Альбина перечитала массу пособий для будущих матерей, заказала себе в университетской библиотеке солидные книги по гинекологии и акушерству, добросовестно записала все рекомендации врача в женской консультации и настроилась на самые быстрые и правильные роды, поскольку все в своей жизни Альбина делала быстро и правильно.

Так думала она, подъезжая на скорой помощи к роддому. А через шестнадцать часов, обезумев от муки, она вдруг оборвала хриплый натужный стон, ощутив внутри себя блаженную пустоту. Она лежала и удивлялась этой пустоте и легкости. А врачи тем временем встревоженно возились где-то рядом, вне поля ее зрения, и ей очень нравилось, что никто не мешает отдыхать.

Но вдруг нежащийся ее слух обеспокоила досадная помеха в виде тоненького печального звука, не то чириканья, не то мяуканья, и тут же облегченный вздох всей акушерской бригады: «Ну слава богу!».

– Смотрите на свою вредную девчонку! Всех напугала!

И показали Альбине маленького синенького паучка, беспомощно свесившего лапки с широкой акушерской ладони и трясущего темной головкой в слабом писке.

– Какая еще девочка... Мне такую не надо... у меня сын... – прохрипела Альбина. Но врачи нисколько не удивились: они и не такое слышали от только что разродившихся мам.

Едва оправилась Альбина от первого разочарования, как постигло ее настоящее унижение. Первые двое суток девочку ей не приносили. Все соседки по палате, спрятавшись под марлевые маски до самых глаз, уже вовсю кормили своих младенцев и гордо показывали друг другу их круглые личики. А Альбина, скрипя зубами от зависти, поворачивалась к стенке.

Наконец Альбину вызвал к себе врач-педиатр и сообщил убийственную новость: у девочки серьезная сердечная недостаточность и, возможно, это врожденный порок сердца. Поэтому ей, Альбине, придется здесь, в роддоме, задержаться.

– Этого не может быть! – задохнулась Альбина от возмущения. – Я с детства спортом занимаюсь, не курю, не пью!.. Я всю беременность специальной гимнастикой занималась!..

– Голубушка, что поделаешь, бывает и так. Может быть, ваши родители, а может быть, и дальние родственники были предрасположены.

Альбина замолчала. О своих дальних родственниках она ничего сказать не могла.

С Анатолием врач тоже побеседовал. И долго-долго расстроенный папа Толя комкал один лист за другим в справочном бюро у окошка посылок, сочиняя веселую записку для Альбины, чтобы поднять ей настроение.

Но, получив окончательный, самый смешной вариант, Альбина разозлилась: «Шут гороховый! Зубы скалит! И почему это так: мужчинам хиханьки, а мы, женщины, только страдаем!»

Как все это было несправедливо! У всех соседок были здоровые крупные дети, а у нее, спортсменки, – синенький заморыш с пороком сердца. Все они через день-другой поедут по домам, а она торчи здесь еще невесть сколько! А Анатолий в это время будет дома «ножки обмывать» с друзьями-художниками и сочинять ей развеселые писульки!

И когда их спустя две недели все-таки выпустили домой с направлением к специалисту-кардиологу, Альбина еще долго наказывала мужа ледяным холодом за эту несправедливость.

Дома выяснилось, что Альбина торопилась совершенно напрасно: в роддоме было не в пример лучше. Первые два месяца своей жизни маленькая Галя почти не спала по ночам. Она лежала в кроватке, как-то не по-младенчески раскинув тонюсенькие ручки, и жалобно плакала от кормления до кормления. Альбина лежала, обхватив пылающую голову руками, а Анатолий сидел рядом с ней и поглаживал одеяло.

– Может, она голодная? – нерешительно спрашивал он иногда.

– Кормить не чаще чем через три часа с ночным перерывом в шесть часов. Иначе будет диспепсия, – сурово отзывалась Альбина.

А про себя думала: «Наверное, голодная. Ей же много не высосать за кормление, она же слабенькая...»

– Может, давай я ее на руках поношу? – спрашивал Анатолий еще нерешительнее.

– К рукам не приучать! – еще суровее отвечала Альбина.

А про себя думала: «Взял бы и поносил – спрашивает еще!»

В конце концов она, измученная бессонными ночами, все-таки засыпала. И тогда Анатолий бесшумно поднимался, брал девочку на руки и, умиляясь ее беспомощной легкости, прижимал к сердцу. И девочка действительно затихала, только смотрела на полутемную в свете ночника комнату огромными глазами на крошечном личике.

Через два месяца Галя перестала плакать, заулыбалась и начала наконец толстеть. Теперь она, как будто в благодарность родителям за прошлые их муки, послушно спала всю ночь. А утром, покормив ее, Альбина натягивала в кроватке резинку с нанизанными погремушками, и Галя ласково им улыбалась, переводя взгляд с одной на другую, а потом и засыпала незаметно до следующего кормления.

Альбина была очень горда собой.

– Вот видишь, – говорила она мужу, – к рукам не приучали – теперь ребенок спокойно развивается сам!

Теперь она могла вернуться к любимому делу, прерванному родами. Ее ждала кандидатская диссертация.

Побывали они у кардиолога. Девочку долго крутили, вертели, слушали, простукивали, опутывали проводами и наконец подтвердили диагноз роддома – врожденный порок сердца.

– Ну что ж, отчаиваться не надо, – утешал врач. – Таких детей в наше время рождается немало. До четырех лет будьте предельно осторожны с ней, потом сделаем операцию. Такие операции у нас отработаны – особой опасности не будет. А потом все со временем нормализуется.

Альбина аккуратнейшим образом записала все рекомендации, предостережения, упражнения и рецепты в общую тетрадь с красиво разрисованной наклейкой:

«Галя Сироткина.

Начато – июль 1963 года».

И тут же почувствовала себя настоящей, прирожденной матерью.

А в это время по замызанному переулочку в районе Литейного большими шагами шла высокая плечистая женщина и тащила за руку мальчика. Он очень старался тоже вышагивать, но не получалось пока.

– Дрался сегодня?

– Не дрался.

– В угол ставили?

– Нас вообще не ставят в угол, ты чего! Мам, а будем ужинать?

– Картошки нажарю.

– С лучком?

– С лучком.

2. Пять лет спустя

Николай Морозов был счастливым человеком. Правда, до пятого класса он этого не знал. Просто жил себе да жил вдвоем с мамой, как все живут. В детский сад когда-то ходил, потом в школу. Год за годом, класс за классом – так и до пятого дожил.

И случилось в том году, весной, великое событие. Мама, оставив его на попечение соседа по коммуналке, съездила на неделю в роддом и привезла оттуда двух совершенно одинаковых младенчиков – Дашу и Ташу.

Почему двух? И хоть бы разных, а то на одно лицо. Колю так и подмывало посоветовать маме махнуть с кем-нибудь дубликатом.

Они лежали перед ним на маминой кровати, два тугих сверточка с красными кругленькими рожицами. Страшно смешные. Разве такие бывают?

Мама присела с ними рядом и смотрела, смотрела, смотрела. Потом его, Колю, за руку к себе притянула:

– Ну как, а? Сестренки твои... красавицы...

Коля солидно кивнул. Наверно, и вправду красавицы, раз мама так думает.

Мама, сидя, обнимала его и смотрела на младенцев. Это было до того непривычно, чтобы мама так долго его обнимала, до того было тепло и хорошо, что Коля тоже начал радоваться этим красным рожицам.

А они вдруг проснулись. Причем обе сразу. Дружно сморщились, открыли беззубые ротки и смешно запищали. Прямо не дети, а котята какие-то!

Мама вскочила, засуетилась, схватила обеих на руки, растерянно посмотрела на одну, на другую и вдруг сунула один кричащий сверточек прямо Коле в руки:

– Ну-ка держи крепко, не урони.

А сама села, расстегнула кофту, отвернулась от Коли неловко и приложила другую малышку к груди. Та тут же затихла и громко, аппетитно зачмокала.

Тут же затих и Колин сверточек. Ну точно же – дубликат! Один в один.

Затихла малышка и вдруг открыла затерявшиеся в припухлых веках глаза. Взглянула туманно сквозь Колино лицо и удивленно вздернула бровки.

И тогда в Колиной груди будто огромная белая птица взмахнула лохматыми крыльями.

Раздался стук в дверь.

– Светлана, можно к тебе? – заглянула соседка тетя Тоня, опекавшая его всю неделю.

Вошла, деловитая, суровая, по пути подхватила с пола упавшее полотенце, по пути поправила покосившееся зеркальце на стене:

– Ну что, непутевая, кормишь? Корми, корми... Одного без отца выкормила, а теперь и еще двух!

Мама, склонившись над девочкой, молчала. Наворчавшись, соседка положила рядом с мамой на кровать стопку стареньких потертых пеленок и ушла.

А Коля спросил:

– У них тоже папы нет?

Мама все молчала, и Коля понял, что спрашивать не надо.

А девочки оказались редкостные ревы. И коварные! Быстренько выработали у Коли устойчивый рефлекс: чуть пискнут – хватать их на руки. Бедная мама, дождавшись Колиного возвращения из школы, уже в пальто, передавала дочек ему, а сама бежала отдыхать за мытьем полов в ближайшем гастрономе.

А Коля, пританцовывая, расхаживал по комнате и пел песни, держа на каждой руке по сестренке.

С каждым днем они тяжелели, и к маминому приходу его уже шатало от усталости.

Но он не сердился. После таких плясок вкусно елось и приятно сиделось за учебниками. И так себя уважалось! Мама теперь смотрела на него как на друга и партнера по общему делу.

И в жизни-то все вдруг стало легко складываться. Шел он утром в школу после бессонной ночи, а задачи сами собой решались. И слова все почему-то правильно писались, даже сквозь дрему, если сморит. А другие предметы и вовсе были ерундовые, только сиди и слушай.

Его вдруг сильно зауважали одноклассники и наперебой зазывали к себе уроки вместе делать. Но Коле по гостям некогда было ходить.

А враг, как был с первого класса, так и остался один, но лютый.

Его тоже все уважали, но с большой опаской, уж очень зол был. Хоть ростом был невелик, зато безжалостен, а потому в драках поражений не знал. А на Колю злился он беспредельно, потому что ничего не мог поделывать с этим огромным, на голову выше и в два раза в плечах шире, отличником. Где это видано – такие огромные отличники, без очков!

Встретив Колю в первый раз во дворе с широкой двуспальной коляской, он натужно захотал:

– Морозов ребеночка родил! Да какого большого, толстого! Ха-ха-ха! – выдавливал он из себя так, что глаза выпучились.

– Пупок развяжется, – бросил ему Коля через плечо и не спеша покатил коляску дальше.

И на следующий день в классе враг с таким же радостным надрывом заорал:

– Пропустите женщину с ребенком, а то у нее молоко пропадет!

Кто-то удивленно оглядывался, кто-то сконфуженно хихикал. Коле до этого дела не было, просто голос у вражины был противный, помоечный такой.

И тогда Коля не спеша подошел, так спокойно, что вражина даже боевую стойку не догадался принять, так же спокойно взял гаденыша за затылок и пригнул его вниз, в мусорную корзину головой. Еще удивился, что враг почти не сопротивляется.

Подержал так некоторое время под радостный хохот, пока враг не начал орать, извиваться и лягаться. Потом аккуратно поднял за шиворот, смахнул огрызок яблока с уха и подсолнечную шелуху с волос:

– Тебя умыть?

Враг взвыл, убежал из класса и больше в этот день в школе не был, за что и получил прогул. Коле даже жалко его стало.

Пришло лето и принесло с собой тепло и свободу. Мама с утра собирала их на прогулку, провожала Колю с коляской в ближайший скверик и там оставляла чуть не до вечера.

Девочки копошились с игрушками, кушали кашу, пили водичку из бутылочек, засыпали, опять просыпались. Коля менял им ползунки за ползунками, пока не иссякал весь запас, и опять игрушки, и опять спать.

Частенько к ним приходил лучший друг Серега, и тогда в перерывах между кашей и ползунками они успевали переговорить о разных интересных вещах. А если подходящей темы не было, то Серега пересказывал последний виденный им фильм, например, «Неуловимые мстители»:

– А Яшка, сечешь, им прямо так: выкраду вместе с забором! И глазами: зык, зык! А потом стрелять стали – кх, кх! По бутылкам! А? Ха-ха-ха! А Буба у дверей: о-о-оч-ч-чи ч-ч-черные! И – трах! – гитарой по кумполу. А этот – ык! – вя-а-а-а! – изображает Серега сраженного Бубиной гитарой.

Съедали по-братски и мамины бутерброды, и мороженку, купленную Серегой, запивали чаем из термоса. Благодать!

Так сидели они дальше, сытые, с тающим в животах мороженым, и опять говорили об интересных вещах.

Сережка, таинственно оглянувшись, удивил как-то:

– Мама моя вчера на кухне с подругой говорила, я слышал через стенку. Такое бывает! В какой-то школе у нас в Ленинграде пятиклассница от шестиклассника ребенка родила!

Потрясенное молчание!

Потом Коля, обдумав ситуацию, уверенно объявил:

– Брехня!

– А почему, а почему ты думаешь? – взволновался Серега.

– Не знаю, как пятиклассницы. Может, есть такие... способные. А шестиклассник... Ну вот мы с тобой, считай, уже шестиклассники. Ну?

Они посмотрели друг на друга и сконфуженно заулыбались.

– А может, он второгодник? – вдруг осенило Серегу.

– Ну может. Если в каждом классе по два года. Да она такая же... Тогда может быть, – согласился Коля.

– А я знаешь, чего слышал? – вдруг снова воодушевился Сергей. – Что в науке уже все открыто. Только вот белок искусственный получают – и тогда сразу можно будет к коммунизму переходить.

– Да, верно! С белком сразу всех накормят. Во всем мире. Все голодающие народы накормят, – кивнул Коля. – А что слышно? Скоро белок получают?

– Скоро! – пообещал друг. – Чтобы как раз к восьмидесятому году коммунизм наступил! За двенадцать-то лет чего хочешь можно получить!

А потом еще о чем-нибудь, и еще, и еще. Много всего на свете интересного, на все прогулки хватит.

А в это время на операционный стол положили маленькую худенькую девочку по имени Галя.

Детские воспоминания разделились в Галиной памяти на «до» и «после».

И разделило эти воспоминания какое-то непонятное событие, перевернувшее всю ее пятилетнюю жизнь.

Воспоминания «до» были теплыми и милыми сердцу. Там была Галина комната с игрушками, книжками и картинками на всех стенках.

Все игрушки были любимыми, потому что у каждой были свой мир и своя сказка. На подоконнике, заставленном цветочными горшками, был дремучий лес, где встречались друг с другом резиновые и пластмассовые звери из большой картонной коробки. Звери были добрые, веселые и никогда друг друга не ели.

Возле Галиной кровати спали на игрушечных раскладушках три дружные куклы: Золушка, Дюймовочка и Царевна-Лебедь. А с книжной полки смотрели на маленькую хозяйку родные книжки. Галя не помнила того времени, когда не умела читать. Может, когда-то оно и было, но в любимых книжках она всегда знала любое слово на любой странице.

А книжку про Ассоль, взрослую книжку с мелкими буквами и без картинок, читала ей бабушка Кира. Но мама за это ее очень ругала, потому что Гале еще рано было такое читать.

Картины на стенах рисовал сам папа. В отчаянии летела вниз по винтовой лестнице Золушка. Ветер от ее нежно-яблочного платья взметал в сторону пламя свечей. Серебром мерцали перила и витые столбики лестницы. Огнисто вспыхивали хрустальные башмачки, а в темных углах металась и приплясывали радужные блики.

А на другой картине пробуждалась от сна маленькая глазастая Дюймовочка. Вот она приподнялась на локте в своей кроватке-цветке и светло улыбается. А утро вокруг нее звенит от падающей росы. На каждом цветке, на каждом листочке гирлянды росинок. Они отрываются и летят капельками в воздухе. А в каждой капельке сияет голубоглазая Дюймовочка в розовом цветке.

А еще портрет Гадкого Утенка. Он выглядывает из мохнатых листьев лопуха, как из-за бархатного занавеса. У него серая взъерошенная голова, длинная шейка с торчащими в стороны перышками и огромные выпуклые глаза. А в глазах этих отражаются голубое озеро и белые лебеди. Очень похож на Галю этот утенок. Она очень его любит и часто перед сном разговаривает с ним по душам.

А еще большая-большая, чуть не в полстены, картина с прекрасной мамой в лодке. Мама подставила загорелое лицо солнцу и ветру и улыбается им чуть насмешливо, короткие волосы затейливо разлетелись, а глаза уверенно прищурены. Прекрасная мама Аля!

Галя сама попросила себе в комнату эту картину, когда папа хотел убрать ее из своей мастерской в кладовку. Это была папина дипломная работа, вызывавшая в нем досадные воспоминания.

Работа была представлена комиссии под названием «Юность». Но в последний момент кто-то из администрации судорожно дал ей другое название – «Юность комсомольская моя». И этот благонамеренный порыв все испортил. Идеологический вождь из государственной комиссии назидательно покачал толстым пальцем:

– Наши комсомольцы сейчас целину поднимают, а не на лодках катаются!

И потребовал снизить балл.

Много-много было связано с папой-художником в этих Галиных «до» – воспоминаниях. От папы всегда пахло масляной краской и чуть-чуть сигаретами. Совсем чуть-чуть, потому что курить папа старался как можно меньше и только на улице, чтобы не занести в дом вредного для Гали дыма.

А вот краской пахли и руки, и одежда, и густые папины русые волосы. Запах краски густо стоял в мастерской, где Галя любила сидеть, когда мамы не было дома.

Когда-то очень давно – это было самое раннее Галино воспоминание – папа писал свои картины, держа в правой руке кисть, а в левой – палитру и Галю на сгибе локтя. Возможно, она еще тогда не умела ходить, потому что была очень слабенькая. И это так было хорошо: плечо у папы было такое твердое и теплое! А когда папа прижимал Галю к груди, орудия своей палитрой, то под Галиной щекой бухало папино сердце. А палитра была в это время прямо перед глазами – краски смешивались, превращались друг в друга и прорастали другими оттенками.

Все краски Галя с детства знала по именам и никогда не спутала бы кармин с краплагом, умбру с сиеной и кобальт с ультрамарином.

А главным счастьем и теплом в этом «до» – детстве была бабушка Кира, которая тогда жила вместе с ними, прямо в папиной мастерской. Бабушка варила обеды, играла на пианино, стирала, пела песни и гладила. И все это она делала одинаково прекрасно.

В молодости бабушка Кира училась в консерватории. Но потом с дедушкой произошло какое-то несчастье, после чего бабушка уже учиться не могла и проработала всю жизнь музыкальным работником в детском саду.

Но пели Галя с бабушкой только вдвоем, по секрету, потому что мама сердилась и говорила, что петь Гале вредно.

Мама бывала дома редко. Защитив одну диссертацию, она тут же занялась другой. Работала в своей лаборатории допоздна, а по воскресеньям сидела с утра до вечера в библиотеке. Домой приходила только поспать и посердиться.

Папа с бабушкой сжимались и затихали. Затворялась дверь папиной мастерской, опускалась крышка пианино. Галя робко садилась на колени красивой маме Але, стараясь не помять мамино платье, и рассказывала, что нового в жизни у ее кукол. Но долго говорить Галя не могла, очень уставала от запаха маминых духов и опускала голову на мамино плечо.

Вот это единственное, что было плохо в Галиных «до» – воспоминаниях. Странная, давящая тяжесть прижимала Галю к земле вдруг, неожиданно: за игрой, за пением, за чтением, на

прогулке, посреди разговора. И Галя тихонько, чтобы мама не сердилась, просила бабушку Киру:

– Положи меня на кровать.

Мелькнула в Галиной жизни больница с добрыми врачами, веселыми нянечками и множеством тихих, как Галя, детей. Сама операция почти не запомнилась. Только напугали Галю до слез лица врачей, наполовину скрытые белыми повязками, а потом как-то вдруг пробудилась она в своей палате и очень захотела кушать. С тех пор давящая тяжесть стала появляться редко. Теперь все стало можно, как сказал доктор при выписке:

– Потихонечку бегать, потихонечку прыгать, потихонечку лезгинку плясать.

И вот, когда жить с каждым днем становилось все веселее, все легче ходилось, дышалось и пелось, произошло «после».

Галя вернулась с мамой в город с дачи и не нашла дома ни папы, ни бабушки. Мастерская была совершенно пуста, одни голые стены, оклеенные новыми обоями. Только запах краски остался. Галя ходила по этой пустой комнате из угла в угол и принималась в страшной тоске. А мама их исчезновению ничуть не удивилась и очень спокойно сказала:

– Папа в воскресенье к тебе придет.

Потом в папину бывшую мастерскую переехали пианино, телевизор, полированный стол и диван. И все стало так, будто и не было здесь никогда папиных мольбертов и красок. Только запах.

Теперь папа появлялся в воскресенье утром и вез Галю в гости к бабушке Кире в небольшую комнату в коммунальной квартире. Теперь папина мастерская была там. И чудом умещались среди сохнувших холстов бабушкина кровать, гардеробчик, обеденный стол и папина раскладушка.

Грустными и жалкими казались папины картины в темном закутке за гардеробом. Грустными и жалкими казались теперь папа с бабушкой в этой комнате, и улыбались они Гале очень виновато. Так виновато, что хотелось Гале плакать от стыда не то перед ними, не то за них.

Вместо бабушки Киры в Галином доме появился дедушка Виктор. Он приходил в будни по утрам. Мама в пальто с сумкой на плече бегала по прихожей и шепотом звала черта. Наконец, почуяв знакомый удушливый запах старого курильщика, выскакивала из дверей, забыв попрощаться с Галей, и там, уже на лестнице, они с дедушкой немножко кричали друг на друга – что-то о заслуженном и незаслуженном отдыхе.

Привели Галю в первый раз в старшую группу детского сада. Но ей, потрясенной множеством чужих лиц и любопытных взглядов, вдруг стало плохо, когда кто-то из детей выхватил из ее рук куклу Золушку. Когда Галю привели в чувство, то дедушка, не успевший еще уйти, тут же забрал ее домой и сердился всю дорогу.

Назавтра ее привели опять. Другая воспитательница, не та, что вчера, строго взглянула на Галю сквозь очки:

– Это у нас та Галя, которая в обморок падает? И зачем таких детей в детский сад водить? Ты мне, Галина, таких фокусов не показывай! Я у детей спросила – никто тебя не обижал, а просто хотели куклу посмотреть. Не съели бы твою куклу! Ты что же, такая жадная?

– Жадина, жадина! – сразу подхватили радостные голосишки.

У Гали потемнело в глазах и тяжело забухало сердце. С трудом дошла она до стола, где уже стояли тарелки с дымящейся кашей, и тут же почувствовала, что не может есть, ну совсем не может.

– Галя, кушай быстренько, не задерживай нас! – услышала она над собой строгий голос.

И Галя испуганно схватилась за ложку. Две ложки каши она проглотила, а третья остановилась где-то в горле и полезла обратно.

Галю вытащили из-за стола и повели к медсестре. Медсестра позвонила бабушке, только-только успевшему вернуться домой. Дедушка пришел, забрал Галю и до конца дня с ней не разговаривал.

Больше в детский сад Галю не водили, и жила она до самой школы тихо и одиноко, целый день сама с собой играя, читая, рисуя. Дедушка, накормив ее в час дня обедом, садился к телевизору и забывал о Гале до вечера. А она была рада этому, потому что однажды, пристально глядя на Галю, дед сказал маме:

– Аленька, а тебе в роддоме ее не подменили случайно? Бывают такие случаи.

Мама удивленно подняла персидские глаза, а дедушка с удовольствием развил эту интересную мысль:

– Ты всегда была красавица, и Толька твой – мужик видный. А дочь у вас – замухрышка, заморыш какой-то!

И мама не закричала на него, как на папу или бабушку Киру. Она поставила помертвевшую Галю перед зеркалом и долго смотрела на нее и на себя.

Галя вдруг как наяву увидела: сейчас оттолкнет ее мама от себя и закричит: «Уйди, ты не моя дочь!».

Но мама не сказала ни слова, просто пожала плечами и ушла в другую комнату. С тех пор жить Гале стало страшно. Уж очень многого в жизни она теперь боялась: темноты, огня, высоты, бойких шумных детей и дедушку.

Был день Галиного рождения. Ей исполнялось семь лет.

Как всегда, было множество знакомых и незнакомых гостей. Были и папа с бабушкой. И вели себя так, будто никуда отсюда не исчезали. Зато дедушки, к Галиной тайной радости, не было.

Гости очень шумели, и Гале хотелось забиться за диван, там было очень удобное место, куда могла поместиться только Галя.

Гости много ели, много пили из фужеров и стопок, потом некрасиво танцевали под некрасивую музыку.

Толстый рыжий гость по имени Семен беспрестанно хватал Галю на руки, щекотал, подбрасывал, пересчитывал ребрышки. Галя терпела, сдерживая слезы. Наконец он поставил ее на стул и потребовал тишину. Галя испуганно оглянулась на бабушку Киру, а та с состраданием кивала ей: «Читай, читай». Но Галя молчала.

Бабушке Кире могло попасть от мамы, потому что Галя знала только взрослые стихи: «Есть в осени первоначальной...», «Люблю грозу в начале мая...», «Вот север, тучи нагоняя...». И еще другие такие стихи, красивые и задумчивые. Вдруг детям такое нельзя читать?

А мама, раздраженная Галиным молчанием, громко объясняла всем, что Галя очень застенчивая. Но это у нее пройдет. Вот будет она с осени учиться в двух школах, в обычной и музыкальной, и жизнь свое возьмет – будет Галя как все!

Улучив минутку, бабушка Кира тронула маму Алю за локоть:

– Аленька, не тяжело ли это будет, музыкальная школа? Я бы, может, сама с Галей позанималась, если хочешь?

И Галя услышала мамин ответ:

– Нет, музыка на детсадовском уровне нам ни к чему!

Галя не поняла, что это значит, но увидела, как покраснела бабушка Кира.

3. Счастливая жизнь

Когда Коля перешел в шестой класс, жизнь стала еще веселее. К зиме Дашка и Ташка наконец научились спать по ночам. Теперь Коля просыпался утром и благодарно улыбался их кровати: «Умницы, поспать дали».

А по весне он возвращался из школы, открывал дверь комнаты и кричал:

– Где там мои кукарямбы?

И две кукарямбы на ножках-тумбочках с писком «Коя, Коля» ковыляли к нему. И он хватал их в охапку обеих, от радости не чувствуя их веса. А они сразу принимались тянуть его за волосы, жевать щеки и цапать липкими лапками за нос. Погуляв с ними по комнате, он ставил их на пол, утирал лицо и притворно ворчал: «Обслюнявили!..».

Лишь одно происшествие смутило его и озадачило. К ним домой как-то заявился тренер из спортивной секции. Он несколько раз был на уроке физкультуры в школе, каждый раз отечески похлопывал Колю по плечу и предлагал зайти как-нибудь, посмотреть, что у них там, в спортшколе, делается. На это Коля очень вежливо отвечал ему: «Спасибо. Времени нет».

И вот этот настырный тренер явился к ним домой и давай агитировать маму. В комнату он проходить не стал, остановился в коридоре, вероятно, воображая, что так доставит меньше хлопот. И там, упершись локтем в древний скрипучий шкаф, убедительно гудел на всю квартиру. Соседки, сгорая от любопытства, заматались взад-вперед по коридору. Коля слышал из комнаты их лукавое шлепанье под гул тренерского баса и страдал за маму.

Постепенно гудение стало громче. А маминого голоса вообще слышно не было. Молчала, что ли?

Наконец тренер совсем разозлился и заорал:

– Вы поймите только, чего вы его лишаете! Что вы за мать? Парня в няньку превратили!

И тогда Коля решительно вышел в коридор и сказал тихо и сурово:

– Не кричать. Детей мне напугаете.

Тренер несколько секунд смотрел на него, окаменев, потом покраснел, пробормотал: «Прошу прощения... Я пошел...». И скрылся за дверью.

Мама вернулась в комнату очень бледная, села и расплакалась навзрыд. Девчонки оторвались от кубиков и встали рядышком, испуганно заглядывая ей в лицо. Коля растерянно обнял ее. Она уткнулась ему в грудь, и он тут же почувствовал ее горячие слезы через рубашку.

– Ты... подожди еще немножко... – с трудом, захлебываясь, бормотала она. – Нам бы их лет до трех... жалко их в ясли... маленьких... Плохие здесь ясли-то... говорят... А там в детский сад... И будешь свободен... В большой спорт пойдешь...

Коля даже удивился, как серьезно отнеслась она к этим тренерским глупостям, и совершенно чистосердечно ей ответил:

– Да ты что? Делать мне, что ли, нечего, руками-ногами махать? Другие дела найдутся.

Но тренер-таки успел в школе пожаловаться на Колину маму. И несколько дней спустя завуч вызвала Колю к себе в кабинет. Она долго и ласково расспрашивала его о жизни, о трудностях, очень ли устают, не нужна ли помощь. Коля старательно припоминал, какие трудности у него, но, как назло, ничего на ум не приходило.

– Да вот. На горшок их трудно сажать, – вдруг вспомнил он. – Пока одну сажаешь – у другой штаны мокрые.

Результат беседы был неожиданный. Через пару дней он вдвоем с другом Серегой тащил домой устрашающих размеров мешок с детским бельем и девчоночьими нарядами на все сезоны.

– Ну вот и приданое есть. Можно замуж выдавать, – деловито ответил он маме на ее немой вопрос.

Когда девочкам исполнилось три года, вся семья дружно поступила в детский сад.

Мама пришла туда няней в младшую группу к девочкам. Ее работа началась в августе. Весь персонал две недели скреб, чистил, мыл кухню, коридоры, туалеты, игровые комнаты. Доставались и раскладывались по полочкам игрушки и учебные пособия, развешивались тяжелые шторы и тюлевые занавески.

А Коля целыми днями был с девочками за маму. Кормил их, выгуливал во дворе, укладывал спать.

Как-то раз решили они втроем прогуляться в садик и посмотреть, где там мама пропадает целыми днями.

Увидев маму среди коробок с игрушками, девочки с визгом кинулись к ней. А две растрепанные воспитательницы с криками кинулись к Коле:

– Какой большой! Какой большой! Ты поможешь нам? Света, пусть он поможет!

В садике разыгрывалась трагедия. Плотник дядя Гриша, он же электрик, он же сантехник и дворник, в настоящее время пропивал черно-белый телевизор и потому уже неделю не давал о себе знать. Жена плакала о телевизоре, а о муже не тревожилась:

– Деньги кончатся – появится, зараза паскудная!

А детский сад буквально погибал без мужских рук. Перед растерянным Колей открыли подсобку с инструментами, и он целый день ходил по всем группам, сколачивая сломанные стульчики, подтягивая крепления у шкафчиков, вкручивая лампочки и закрепляя карнизы.

Заведующая детсадом, увидев Колину работу, прослезилась и пообещала маме премию из аванса прогульщика дяди Гриши.

Счастлива была мама, которую впервые в жизни не попрекали безотцовщиной, а превозносили до небес за изумительное воспитание изумительного сына. Счастлив был Коля, впервые ощутив упоение настоящим мужским делом. Счастливы были девочки, впервые увидевшие столько игрушек сразу.

Вот так, самым счастливым образом, началась новая трудовая жизнь.

Сначала Коля думал, что это будет очень интересно – приходить домой и сидеть одному в тишине за уроками. Вернулся он так в пустую комнату – раз, другой, третий – и не выдержал. Стал сразу из школы прибегать в детский сад. Мама сначала посердилась. Она-то мечтала, что он без них отдыхать будет или впрямь, может, в какую-нибудь секцию кинется.

Но потом она смирилась, и все устроилось прекрасно. Взяли они с Колей на полторы ставки еще коридор и лестницу – работников в детском саду, как всегда, не хватало, и Коля после школы, съев у мамы в группе щедрую порцию обеда, засучивал рукава и тер шваброй капризный светлый линолеум. А что – тоже вроде спорта, а семье лишняя копейка.

Потом помогал маме одевать ребятишек, тепленьких, розовых после дневного сна, доверчиво сияющих: «Здластуй!».

А пока мама в белом халате и косынке, серьезная, как врач, кормила детей полдником, он успевал рядышком на подоконнике сделать русский и алгебру, а то еще и физику.

Такая жизнь поначалу казалась нелегкой, но быстро обкаталась. Коле нравилось, что с ним приветливо здороваются воспитательницы, что его узнают на улице дети, дергают за рукав своих мам: «Видишь? Видишь? Это Коля идет!».

Уставал? Ну и подумаешь. К вечеру это было даже приятно. Он успевал вытянуть гудящие ноги, уютно укрыться одеялом и, улыбаясь от удовольствия, уплывал в спокойный сон.

Так пережили зиму. А по весне начались хлопоты.

Мама решила вывезти их в «родовое имение» – избенку с огородиком в деревне, откуда была родом.

В майские праздники она оставила Колю с девочками на два дня. Съездила на разведку, поприбиралась, пыль повытрясла и в смятении примчалась домой:

– Ну как вы тут без меня?

А что было беспокоиться? Сама же им кучу еды оставила – прямо на неделю хватило бы. Что он, не накормит девчонок, не оденет, спать не уложит? Смешно даже.

С сестренками у него проблем не было. Проблемы были с самим собой. С некоторых пор стал он странности в себе замечать. А после зимы так даже затревожился.

Ну ноги шерстью обросли – понятно, ну там еще в других местах – допустим.

Но почему в голову какая-то хрень полезла? Да такая, что и сказать неудобно. Коля вскакивал по ночам и оглядывался на мамину кровать, не подслушала ли она его сон.

Наверно, подслушала. Потому что однажды вечером, когда он делал уроки, положила ему под локоть брошюрку из серии «Знание» под интригующим названием «О чем нужно знать юноше».

Ну и о чем же? А-а-а! Вот это про что!

Изучив брошюру, Коля успокоился. Все, значит, в порядке. Даже смешно стало. Вот тебе и венец природы, гомо сапиенс! А чуть что – обезьяна обезьяной!

Школа поразила Галю обилием незнакомых лиц: и детских, и взрослых. В первые минуты Галя даже боялась, что ей станет плохо, как тогда, в детском саду. Но все обошлось и даже стало нравиться, только на переменах было страшно.

А через неделю дедушка повез ее в музыкальную школу, где детей было меньше и отовсюду слышалась музыка.

Туда после работы подъехала мама, отпустила дедушку домой и побеседовала с учительницей по специальности. Слух у Гали оказался хорошим, а вот ручки – слабенькими.

– Тренируйте, развивайте!

И мама записала в общую тетрадь в черной кожаной обложке серию упражнений для укрепления Галиных ручек. Мама всегда записывала все необходимое для Галиного воспитания. Эта черная тетрадь, Галя знала, была уже третья.

Вернувшись домой, Галя почувствовала страшную усталость, руки дрожали, пальцы не слушались и роняли ручку и карандаш. Мама заглянула через плечо на кривые крючочки и квадратики в Галиной тетрадке и рассердилась. Лист вырвала и заставила переписывать все заново!

А Галя сильно-сильно стиснула зубы и опустила голову, чтобы мама не заметила слез.

Так, стиснув зубы, она и проучилась весь первый год. В обеих школах ею были почти довольны. Вот только подруг не появилось. Удобнее всего было бы дружить с соседкой по парте, но та фыркнула, когда Галя подошла к ней на перемене:

– Я хожу только с теми, у кого лицо красивое!

И Галя спорить не стала: никто не обязан дружить с некрасивыми.

А дома она опять и опять смотрела в зеркало.

Очень странно, но похожа она была и на папу, и на маму. Мамин острый длинный носик, узкое лицо. А папины светлые ресницы и брови. И волосы светлые, тоже папины. Только у папы они густые и тяжелые, золотистые такие, а у Гали вечно торчат мочалкой пыльного цвета.

И глаза серые, тоже папины. Только у Гали они как будто с другого лица, такие большие для худенького личика. Лягушонок пучеглазый.

Конечно, кому это захочется – с лягушонком дружить! И с ней не дружили, звали по фамилии:

– Эй, Сироткина, дай карандаш.

Прыгать со скакалкой Галя так и не научилась, в игры вроде «Али-Бабы» или «Штандера» ее не брали ввиду неуклюжести. А в интеллектуальных забавах «Я садовником родился...» или «Кис-кис – мяу» Галя даже смысла не улавливала. Так и стояла у стеночки, глядя на одноклассниц с любопытством и восхищением: «И как это они все умеют?».

4. Сказочное лето

Это было удивительное, сказочное лето!

Сплошь счастливое, как даже и не бывает. Судьба подарила его Коле, перед тем как сильно ударить прямо под дых.

Собираться начали еще в мае. Мама каждый день укладывала чемоданы и сумки, потом, ворча и охая, вытряхивала их, что-то перебирала, перекладывала и собирала заново. Ждали только окончания Колиных экзаменов.

Чуток поссорились с мамой из-за этого. Коля, вкусив взрослой трудовой жизни, размечтался, что после восьмого пойдет в техникум и будет носить домой стипендию. А потом в армии отслужит – и сразу на работу. И заживут они тогда по-царски!

Он уже в «Детском мире» платья девчонкам присмотрел, чтобы Дед Мороз на празднике растаял от такой красоты. А маме Коля задумал купить перчатки, настоящие, дамские, чтобы не видны были ее растрескавшиеся от хлорки пальцы. А то в магазине какая-то важная старуха в шляпе на маму заворчала, мол, ходят тут с кожными болезнями.

Так хорошо он все задумал, и стипендии бы хватило. Да не тут-то было. Мама раскричалась:

– Не смей! Десятилетку будешь кончать!

И даже за ухо его потаскала, хотя до этого самого уха уже не так-то легко было дотянуться.

А потом пригрозила:

– Вот еще так расстроишь меня – опять курить начну.

И Коле пришлось сдать позиции.

Выехали на следующий же день после экзаменов, рано утром.

Сначала в пустом, только что открывшемся метро, потом четыре часа в поезде дальнего следования. В маленьком зеленом городке два часа сидели прямо на траве у автобусной остановки и ели бутерброды с чаем. Полтора часа тряслись в душном раскаленном автобусе. И наконец часик шли пешком.

Девчонки от усталости плакали в голос, но взять их на руки возможности не было. Чемодан в одной руке, чемодан в другой, рюкзак на спине. А мама так увешала себя со всех сторон сумками, что получилась гора с ножками.

Когда из-за рожицы вдруг выплыла деревенька, сил сразу прибавилось. Девчонки утихли, а у Коли вдруг появилось такое чувство, что он домой идет. Вроде как жил он уже здесь, все какое-то знакомое.

Улица была всего одна. На ней по обе стороны стояла дюжина избушек. Когда подошли ближе, Коля разглядел, что большая часть – нежилые. Заколоченные седыми досками, они пугали, как мертвые лица.

Жили-доживали в этой деревне четыре бабули: дряхленькая баба Дусенька, добрая душа баба Катя, хулиганистая бабка Нинка и интеллигентная Вера Ивановна.

У Веры Ивановны был сын, но жил он в Молдавии, присылал ей оттуда письма и посылки к праздникам. Сам не показывался. Один раз приехал когда-то с молодой женой, да через неделю и уехали – супруге не понравилось.

– Так ведь как в Молдавии? Плюнь на землю – персик вырастет! А здесь, трах-тарарах, все лето в земле ковыряешься к небу задницей! – усмехалась бабка Нина.

В посылках сына всегда кроме еды были и книги. Вера Ивановна была учительницей и учила когда-то всех-всех, кто сейчас работает в местном совхозе. И маму Свету когда-то учила. И даже бабку Нинку – кто бы мог подумать!

У бабки Нины были сын и дочь, муж погиб в войну. Дочь с зятем не приезжали, только открыточки присылали к праздникам – у них под Ленинградом была своя дача. Зятя бабка не жаловала:

– Больно нехорош спьяну – руглив! Ругаться-то я сама люблю, а другим не позволяю!

Сын приезжал к бабке Нине в сентябре, ожесточенно работал весь отпуск: копал картошку, пилил с матерью дрова, чинил все, что требовало починки, красил все, что требовало покраски. Закончив дела, сразу уезжал в город, к семье.

А к Дусеньке не приезжал никто. Единственный из троих вернувшихся с войны сыновей давным-давно уехал с женой и детьми на север, там укоренился, дождался внуков. Да здоровье уж не то, опять с инфарктом в больнице там, в Норильске, лежит. А дети его и забыли совсем про одинокую старушку. А внуки и знать не знают про свою прабабушку.

Ну а баба Катя была как перст одна. В войну погиб муж, а десять лет назад в пьяной драке сложил голову сын.

– Гляди-ка, баба Катя печку нашу топит, – кивнула мама подбородком вперед.

Над серым домиком с покосившимися столбиками крыльца курился дымок. Ступенька под Колиными ногами прогнулась и плаксиво скрипнула. Плотная закрытая дверь отошла от стены с трудом. Из сеней тяжело пахло сыростью и печалью.

Но на кухне было тепло и весело. У печки хлопотала кругленькая старушка в застиранном цветастом платье. Белая косыночка сползла с седой головы и чудом держалась на затылке.

Увидев входящих, старушка что-то с грохотом уронила, всплеснула ладошками и запрочитала:

– Да о-о-ой, да ми-илые, да голубенки вы мои-и-и!

– Тетя Катенька!

Мама стряхнула на пол всю свою поклажу и обхватила старушку обеими руками, чуть не оторвав от пола.

С минуту они стояли так, покачиваясь, и плакали. Потом баба Катя вырвалась из маминых рук и схватилась за Колю:

– Да о-о-ой! Да о-о-ой!

Едва дотянувшись на цыпочках, расцеловала и опять заойкала:

– Да ведь как есть Никола Морозов в парнях! Ты подумай! Эх, дед, дед, не дожил, не посмотрел на свой патретики!

Потом обхватила руками девочек. Они едва держались на ногах, но стойко дали себя потискать. И опять счастливые слезы и причитания. А мама уже распаковывала большую сумку.

– Вот, тетя Катя, смотри. Тут булочка тебе ленинградская, свежая, вчера горячую брала. А тут колбаска. Холодильника-то нет у тебя? В самое холодное местечко убери и съешь быстро. Здесь сырки плавленые. Смотри, ешь, долго не храни. Тут тебе карамелечки к чаю.

И еще что-то, и еще что-то. Баба Катя радовалась как маленькая каждому гостинцу, расцветала, ойкала, всплескивала ручками:

– Ну и Светка! Ну ты и Светка! Да о-ой, да о-ой!

А Коля тихонько вошел в комнату. Здесь еще сильнее пахло тихой, ласковой печалью. Высоченная и широченная железная кровать сразу же завладела Колиным вниманием. Ему хотелось рассмотреть и темный шкаф с зеркалом, в котором почти ничего не отражалось, и шаткий столик с лампой-грибочком, и огородик за окном, и картинки на стенах.

Но с кроватями надо было разобраться срочно.

Он откинул покрывало. Белье было желтенькое, пахнувшее старым шкафом, но чистое и отглаженное, только что постеленное. «Тоже баба Катя», – ласково подумал Коля.

Половицы заскрипели. Девчонки, держась за руки, приковыляли за ним в комнату и теперь сонно смотрели по сторонам. Коля вывел их в сени, к умывальнику, сполоснул мордашки, протер мокрой тряпочкой запыленные ножки, взял под мышки и перенес на кровать.

Очутившись на подушках, обе блаженно заулыбались. Коля стянул с них платья, прикрыл одеялом и подвернул край матраса валиком – для безопасности.

Мама с бабой Катей на кухне все разбирали сумки и мешки. А на столе там стояло что-то, прикрытое полотенцем, вкусно пахнущее. Выудив из-под полотенца две оладушки, Коля понес их в комнату, но сестренки уже крепко спали. Пришлось съесть самому.

С наслаждением жуя, он рассматривал картинки и фотографии на стенах. Картинки были выцветшие, потертые, из старых журналов: цветы, осенние пейзажи, красавицы в старинных платьях.

В углу висела икона. На ней бородатый дед с посохом. А рядом с этой иконой маленький деревянный прямоугольничек, совсем темный, с облупившейся и почерневшей краской, смутно обрисовывавшей женскую фигуру под покрывалом.

Фотографий было мало. Был беленький серьезный мальчик в матроске. Была девочка в школьной форме с бантом на стриженных волосах.

А еще была большая фотография целого восьмого класса Красавинской восьмилетней школы. И там наконец Коля узнал маму со светлой косичкой и только тогда догадался, что девочка с бантиком – это тоже мама. Да и мальчик в матроске – батюшки! – и это мама.

А на другой стене висела очень старая фотография под стеклом с трещинкой. Стекло было пыльное. Коля стер ладонью пыль, стараясь не порезаться о трещину, и всмотрелся.

На стуле сидел мужчина с очень широкими плечами, темноволосый, темноусый, красивый, как все умные и добрые русские мужики. Рядом стояла щупленькая женщина в косыночке и держалась за широкое плечо мужчины. Дедушка и бабушка.

Окинув взглядом фотографии, Коля вдруг понял, что это все, что есть. Весь семейный альбом на стене.

А у них с матерью что? Колины детсадовские и школьные фотографии. И девчонки этой зимой в первый раз сфотографировались со своей группой.

А какими они были в три месяца, когда он выплясывал с ними по комнате? Забыл. И не вспомнить.

И, уже возвращаясь к матери на кухню, Коля подумал: «Вот зарабатывать начну – куплю фотоаппарат!».

Мама с бабой Катей уже сидели за столом и держали друг друга за руки. Обе оглянулись на его шаги:

– Ой, – спохватилась мама, – там бы девчонок-то уложить...

– Спят, – коротко отозвался Коля. Он вдруг понял, что так сильно устал, что рот тяжело открыть.

Баба Катя опять запричитала:

– Ну сынок, ну голубчик! Утешеньце-то материно! Весь в деда! Аннушка-то Михална была за ним как за каменной спиной.

И Коля даже про себя не улыбнулся этой «каменной спине», вспомнив, как беспомощно и доверчиво держалась молодая женщина на фотографии за плечо мужа.

Запах печали быстро выветрился из дома. Пахло теперь густыми сытными кашами, щавелевыми щами и цветами, которые девчонки тащили со всех лужаек и раскидывали по всем углам. А ступенька крыльца уже не плакала, а весело взвизгивала, как пес при виде хозяина.

Каждый день приносил новый подарок.

На первое же утро в деревне Колей был открыт целый сарай сокровищ: ящики столярных инструментов, гвоздей, шурупов, шайбочек, гаечек – все заботливо ухоженное, укрытое от

пыли и сырости. А еще штабеля досочек, реечек и брусков. А в глубине на стенке – даже дух захватило! – велосипед.

Своего велосипеда у Коли не было никогда. Зато был хороший друг Серега, и у него в первом классе был «Орленок», потом – «Школьник», теперь – «Спорт». Серега не жмот, Коле дает кататься сколько влезет. Даже сказал Коле однажды:

– Ты больше меня с велосипедом возишься. Я только ездить умею, а ты как хозяин.

Но все это, конечно, только слова.

А вот теперь свой, наследный, хоть и старый, но вполне надежный.

Коля вытащил его на свет божий, обер ветошкой – здесь же, на гвоздике, висела – крутанул колеса.

«Надо бы подкачать» – а вот и насос в углу на полке. «Надо бы смазать» – а вот и масленка тут же, рядышком. Как будто сам дед Николай под руку подложил.

Велосипед наполнил жизнь множеством интересных приключений.

Сделав поутру все необходимое – воды натаскать, огородик полить, подвинтить, что на глаза попадет, – Коля выкатывал из сарая велосипед. Заботливым глазом осматривал все суставчики, подкачивал шины и кивал маме: «Поехал».

Она с улыбкой протягивала ему кошелек и наказывала:

– Значит, хлеба, сахару подкупишь, крупки, какая будет, масла подсолнечного бутылку. Ну, может, еще чего к чаю выкинут.

Коля вешал на плечо рюкзачок и лихо вскакивал в седло. Девчонки стояли рядом, дожидаясь этого момента, чтобы замахать чумазыми ладошками, и махали, пока он не скрывался за поворотом.

А виден он был долго, потому что сначала ехал мимо бабы Кати и окликал ее через забор:

– Баба Катя, каких тебе гостинцев привезти?

Старушка с трудом распрямляла круглую спину и неизменно всплескивала черными земляными руками:

– Да о-ой! Да Колюшка! Да я уж и не знаю...

– Ты говорила, у тебя соль кончается. Купить? И мыла у тебя последний кусок.

– Голубчик! Да ведь как ты все помнишь-то? Колюшка-то родимый...

А Коля, махнув ей на прощание, ехал дальше. Ехал мимо Веры Ивановны и стучал в оконную раму:

– Вера Ивановна, день добрый. Вам в Красавине чего купить?

Худенькая аккуратная Вера Ивановна подходила к окошку и ласково отвечала:

– Здравствуй, дорогой. Да что там купить... Наверно, и не надо ничего. Все у меня есть.

– А булки-хлеба? А масло сливочное вдруг будет?

– Да, может быть... Если такое чудо, что масло... пожалуй, возьми, – смущенно улыбается она. – Денег-то хватит ли? Возьми еще.

– Потом рассчитаемся.

И Коля трогается с места.

Следующая остановка – совсем покосившаяся избушка. Здесь приходится сойти с боевого коня и войти в дом. Если баба Дусенька не сидит на завалинке, то она дома, на кровати, охает и растирает тяжелые отекающие ноги.

К ней Коля заходил каждый день обязательно, с тех пор как услышал вечером очень тревоживший его разговор. Баба Катя рассказывала маме о прожитой зиме:

– А Дусенька-то у нас этой зимой совсем помирать решила. Дело-то как было... Мы сложились, а Нинка всем дров на зиму закупила и мужиков наняла. Те привезли, напилели – все слава богу! А ночью те дрова у Дусеньки и пропали. Да мы и знаем, на кого думать: пеструхинский здесь один шатался, такой пес-мужик. Пошла Дунюшка в сараюшку – а там щепки

одни. Так она ведь, что ты думаешь, Светушка, и обрадовалась. Думала, Бог ей смерть мягкую посылает – заморозиться да сном и помереть. И нам-то никому не сказала, что дров у нее нет, и не знали мы.

Мороз-то ударил сразу после ноябрьских, да и снежку подвалило.

Нинка утром ко мне бежит. Пошли, говорит, к Дусе, что-то печку она второй день не топит. Веру Ивановну позвали, снежок с крыльца отвалили, а то в избу-то не войти. Входим – а в доме что на дворе, мороз такой же!

Лежит наша Дусенька на кровати, платочком белым повязалась, платьишко светленькое надела, чулочки новые, ненадеванные – приготовилась, значит! Лежит, а вроде дышит еще, парок от лица идет.

Ну Нинка скорее на крышу полезла, трубу откопала. А мы с Верой Ивановной давай Дусеньку водочкой оттирать. Уж не знаю, как и подняли-то. А она, слышь, и заплакала, что помереть не дали. Нинка и давай ее по матушке-то крыть: а-а-а, такая-сякая, греховодница, раньше срока на тот свет захотела. Язык-то у ней как помело!

Так ведь она, Нинка-то, Дусю к себе в дом забрала и всю зиму ее выхаживала. На свою кровать ее завалила, и вставать-то не давала, и кормила в кровати. А та только слезоньки лила: «Что это я как барыня, ем, да сплю, да радио слушаю». Так мы теперь все смеемся: барыня, мол, наша!

Вот поэтому к бабе Дусе надо было Коле обязательно зайти и самому посмотреть на ее полках, чего не хватает: спичек ли, соли, сахару. А то Дусенька сама и не помнит, что у нее есть, чего нет. Она и годов своих не помнит! Уж сколько лет твердит, что ей восемьдесят пять!

И наконец надо поздороваться с бабкой Ниной, самой молоденькой, всего-то два года как на пенсии. Сухая, жилистая, с огромными лужеными руками и лицом индейского вождя, она всегда занята мужским делом: то строгают что-то в сараюшке, то приколачивает на крыше, то, кряхтя и матерясь, колет дрова.

Коля окликает ее через заборчик:

– Баба Нина, день добрый! Не купить ли тебе чего?

– Ну вот! – заносчиво откликается та. – Я и сама покуда на ногах. А ты и так трех бабок отовариваешь, гляди, сумка треснет. Слышь! Чего мамка за молоком не идет? Крынка на столе, яйки в миске. Это для нее, пусть все берет.

– Она сейчас придет, – кивает Коля, трогаясь с места.

И вот быстро расстилается навстречу, прямо под колеса, пыльная дорога. Она так и дышит под колесами, не то что мертвый городской асфальт. Слева подплывает веселый солнечный березнячок и разворачивается гармошкой: подпевай, мол! Сквозь прозрачную березовую листву мелькают серые крыши – еще одна деревенька. А по правую руку поблескивает сквозь кустарник речка Тюша, и тянет прохладной водой оттуда.

Начинается Красавино – местная столица, с магазинчиком, почтой и клубом, куда по субботам, бывает, даже кино привозят. В общем, дачное место.

Из заросшего травой переулочка грустно смотрит вслед Коле одноэтажный белокирпичный дом с разбитыми стеклами и драной шиферной крышей. Когда-то это была мамина школа. Но перенесли совхозный центр в другое место, за пять километров отсюда, туда и школу перевели. А добротный, крепкий дом стал берлогой для всяких бродяг. Очень грустно думать об этом.

Но грустить некогда. Впереди магазин. Дощатый длинный барак. На одной его половине продается еда. На другой половине – что угодно для души, то есть ленты, кружева, ботинки, спички, мыло, керосин. Там же застенчиво жмутся в углу диван, холодильник и телевизор, покрытые пожелтевшими газетами, и годами ждут своих покупателей.

Обратно Коля едет не спеша, проверяя глазами дорогу. Рюкзак на спине уже не болтается тряпкой, а солидно восседает на спине, и по сторонам смотреть уже не хочется.

Теперь все идет в обратном порядке.

Бабка Нина машет ему с крыши и кричит ехидно:

– Ой, Коляк, надорвешься ты – трех бабок кормить!

У бабы Дусеньки Коля выкладывает на стол покупки, быстренько считает в уме и берет несколько монеток из жестяной коробочки, для него стоящей на столе.

Вера Ивановна берет через окно купленные для нее продукты и протягивает Коле деньги. Она никогда не заставляет его самого считать, сколько ему причитается.

А баба Катя ждет его у калитки с мамой и девочками, которые уже несколько минут прыгают и кричат: «Коля едет! Коля едет!».

А еще, порасспросив хорошенько шустрюю бабку Нину, он как-то съездил в лес на разведку и набрал бидончик земляники. Набрал бы еще, но задерживаться не хотел, чтобы мама не тревожилась. Теперь он знал все ориентиры: речка Тюша, болотце Серушка, шоссеиная дорога на совхоз, ельник – все сложилось в общую картину, как кусочки мозаики. И потом он уже смело ехал чуть не на целый день то за ягодами, то за грибами.

Вечерами, когда жара спадала, бабули частенько собирались к Дусенькиным окнам, рас-сидивались на завалинке, а Дусенька выглядывала из растворенного окошечка. Так сидели и неторопливо беседовали. Рассказывали друг другу давно известное, вспоминали забытое, жаловались на плохие времена и тут же вспоминали, что были времена и пострашнее. Говорить старались погромче, Дусенька была глуховата, и Коля, сидя с книгой в палисаднике за деревянным столиком на крепких ножках, ясно слышал их голоса в вечерней деревенской тишине.

В первые же дни Вера Ивановна, увидев его во дворе, ласково поздоровалась и предложила:

– Захочешь почитать что-нибудь – возьми у меня.

Коля сразу представил себе, как приятно было бы читать перед сном что-нибудь длинное-преддлинное, чтобы на все каникулы хватило. И попросил «Войну и мир», потому что ничего длиннее не знал!

Дома, в городе, книжек было мало. Не на что было их покупать и некогда было читать. Что для уроков требовалось, Коля брал в библиотеке. А в доме Веры Ивановны даже пахло библиотекой – столько книг там было в шкафах до самого потолка.

Через две недели, закрыв последний том «Войны и мира», Коля подумал: «Хорошо, но мало». И перечитал все заново с еще большим удовольствием. Потом, вспомнив, что в школьной программе есть еще длинное «Преступление и наказание», попросил и его. Читал и слышал скрип своих мозговых извилин от непривычного напряжения! И окончательно убедился, что чем книга толще, тем интереснее.

Так и читал все лето по вечерам, выбирая на полках Веры Ивановны самое многотомное. «Анна Каренина» была короче «Войны и мира» и, соответственно, не такая интересная. Даже Анну в конце не было жалко, потому что он уже знал, чем дело кончится – поездом, кто ж этого не знает. А вот «Братья Карамазовы» – это да! Сильно! И «Дон Кихот» понравился, только жалко его было. И почему-то жалко самого Сервантеса, который притворялся, что смеется над этим безумным идальго. А прочитав «Сагу о Форсайтах», Коля посмотрел на себя в старое зеркало и подумал: «Может, я англичанин, в самом деле?».

Такое это было удовольствие – никуда не спешить, не заглядывать в конец, не пропускать страницы без разговоров. А просто читать себе и читать. «Буду зарабатывать – книг накоплю, – думал Коля. – Как захочется – сяду и почитаю».

Вот и читал себе за столиком под березой, отмахиваясь от комаров, под далекий говор старушек у Дусенькиной избушки.

В первую очередь старушки читали друг другу письма детей. Над каждой строчкой думали и вздыхали все вчетвером. Секретов друг от друга у них давно уже не было.

– «Все у нас, мама, хорошо, – усердно вчитывалась бабка Нина в письмо дочери и тут же комментировала со всегдашним ехидством. – У Валентина здоровье хорошее». А что ему делается, такому лосю? Я вот была у них той зимой, насмотрелась. Жрет! Мне б такого обеда на неделю хватило. А Тонька ему подливает да подливает, подкладывает да подкладывает. Он из-за стола уж брюхо вытащить не может.

– Это вредно – так есть, – деликатно замечает Вера Ивановна, – он может здоровье испортить.

– Да уж, испортится у него! Как же! – возмущается теща и продолжает: – «Димочка кончил третий класс на все четверки, только по русскому и арифметике тройки». Это называется – все хорошо, прекрасная маркиза! Не могут сына арифметике научить!

– Это ничего, ничего, – успокаивает Вера Ивановна, – Димочка – мальчик хороший и умный, выправится.

– А уж голубчик-то, красавчик-то, – умиляется баба Катя, – как сейчас вижу, в тот год приезжал. Волосики светленькие, глазоньки голубенькие – ангелочек! Только худенький-то, худенький!

– Там, в городе, так мало витаминов, – вздыхает Вера Ивановна.

– Эт точно! Витамина «Р» им всем не хватает – р-р-ремня хорошего по заднице, – хмыкает бабка Нина.

Потом письмо читает Вера Ивановна. Кажется, семейная жизнь ее сына сложилась наилучшим образом.

– «Мы с ней, в сущности, давно чужие люди и не мешаем друг другу жить собственной жизнью. Удерживает меня сейчас только Виталий, но до его совершеннолетия осталось всего четыре года...», – читает Вера Ивановна.

Голос у нее учительский, звучный, как у артистки. Вроде и негромко, и задушевно, а Коля невольно слышит каждое слово.

– О-ой, Иванна, да как же он хорошо у тебя пишет-то, – растроганно вздыхает баба Катя, – прямо как в книжке написано. И всегда-то он умница был, и всегда-то всех лучше.

– Н-да! Умник великий, – фыркает бабка Нина. – От большого ума жену в Молдавии нашел, ближе не случилось...

– Ну уж ты... ладно, Нинка, тебе, – хлопотливо осаживает ее баба Катя.

– Что имеем – не храним, потерявши – плачем, – голос Веры Ивановны очень печален.

– Плачем... Плачет ли? Вот пусть бы приехал да посмотрел!.. – кипятится бабка Нина, а баба Катя хлопочет, шикает на нее, как на козу:

– Шть, шть ты! Чего зря шумишь?.. Нечего ему тут!..

У них нет тайн друг от друга. За их общей печалью и тревогой много недосказанного и только им понятного.

Так и читает Коля под их далекие, но отчетливые голоса, слышит и не слышит, погруженный в чужую, книжную жизнь. Теперь ясно ему стало, зачем книжки пишутся и для чего читаются, – чтобы можно было другим человеком побыть и посмотреть другими глазами. Например, князем Андреем. Чтобы так же смотреть на людей с высоты своего благородства! Чтобы так же возненавидеть Наташу Ростову и так же ее простить! Чтобы так же красиво умирать!

И Иваном Карамазовым тоже интересно побыть! Чтобы быть одному против всего мира! И Сомсом Форсайтом! Чтобы вот так полюбить навсегда и безнадежно. Таковую, как Ирэн! И Дон Кихотом. Чтобы увидеть в крестьянке Альдонсе прекрасную Дульсинею Тобосскую.

Там, у Дусенькиных окон, бабули уже наговорились всласть и уж прощаются так обстоятельно и церемонно, будто на год расстаются. А Коле уже не читается. То ли оттого, что слете-

лись на ужин комары-людоеды и надоело от них отмахиваться, то ли тяжело становится глазам от сумеречного света, то ли не хватает старушечьих далеких голосов.

А в комнате теплая тишина. Неслышно спят на кровати сестренки. Раскладушка уже расстелена для него. Мама в старом фланелевом халатике сидит на застеленном диванчике и при свете лампы-грибочка штопает Колины носки:

– Начитался? Комары, небось, заели?

– Комары как комары, – пожимает Коля плечами. – Там уже видно плохо, а то бы я еще почитал.

– За тем столом хорошо читается. Отец его для меня сделал, когда я читать полюбила. Чтобы в доме не торчала, а на воздухе была.

– А какие ты книги читала в мои годы?

– В твоём-то возрасте?.. Да уж и некогда было мне тогда книжки читать. Сбиралась я в твоём возрасте в Ленинград, в техникум экзамены сдавала, в общежитие устраивалась.

– Тебе, наверно, не хотелось уезжать?

– Хотелось. Очень хотелось. Так и рвалась отсюда. Все боялась, пропущу что-то такое, что в мире без меня сделается. Ох, смешные все мы были тогда... – мама грустно улыбается, откусывая нитку. – А уезжать-то мне не надо было. Хотя... вот вы теперь у меня...

Мама опускает работу на колени и задумывается, глядя вслед золотой заре за окном.

Коле хочется еще о многом ее спросить, но что-то мешает ему, и он тихо укладывается на раскладушку.

А Галя испортила маме весь отпуск, до температуры обгорев в Крыму в первый же день. А когда температура спала, она тут же отравилась творогом за завтраком в доме отдыха. Мама в гневе кричала на заведующего, а заведующий в гневе кричал на маму. Дело в том, что творог ели все, а отравилась одна Галя.

5. Крещение

Совсем уж под конец маминого отпуска Галя умудрилась еще и потеряться. Их повезли на автобусную экскурсию в старинный монастырь Бахчисарай. И пока мама внимательно слушала экскурсовода, записывая все важное в блокнот, пока щелкала фотоаппаратом, Галя засмотрелась на лики и совершенно потеряла ощущение реальности. Опомнилась только от мощного голоса откуда-то из-за стен: «Девочка Галя Сироткина, тебя ищет мама! Девочка Галя Сироткина, мама ждет тебя у автобуса». В ужасе бросилась Галя куда-то бежать по темным закоулкам, но, к счастью, наткнулась на совершенно взбешенную маму. Мама схватила ее за руку и потащила за собой, шипя сквозь зубы: «Да ш-ш-штош-ш-ш это такое?!».

Этим закончился отдых в Крыму.

А Колю мама в тот день разбудила очень рано, прямо как в школу:

– Поднимай девочек!

– А куда мы торопимся? – удивился Коля.

– А туда... в центр... – мама как будто смутилась и забралась с головой в шкаф, отыскивая там что-то. – Автобус в десять, а еще идти сколько...

– Зачем нам в центр? – продолжал удивляться Коля.

Но мама уже ушла на кухню и зазвенела там чашками.

Дав всем выпить по чашке пустого чая, мама вытащила из чемодана пакет. Там оказались два красивых белых платица, совсем новых, с ярлычками, нарядных, прямо как на елку. И для Коли в пакете нашлась новая белая рубашка. Сама мама нарядилась в свое лучшее платье: синее с белым воротничком. Она даже не ходила в нем никуда – куда ей было в таком платье ходить? Затем завязала девочкам огромные банты, тоже белые.

– Так куда же это мы собрались? – допытывался Коля.

– Собирайся, собирайся, – торопила мама и только по дороге к автобусу объяснила: – Девчонок крестить будем. Ты будешь крестным.

– Я? Почему я? И зачем вообще крестить?

– Нужно! – отрезала мама на ходу.

– А почему я? Разве мне можно?

– Всем крещеным можно. Ты крещеный.

– Да? Когда же это?

– Ну ты еще маленький был, не помнишь.

– Вот те раз! – рассмеялся Коля. – Живешь, живешь на свете, а потом оказывается, что крещеный! А как вообще крестят? Их окунать куда-то надо?

– Тебе священник все скажет, только слушайся его, и все. Если спросит, скажешь, что ты верующий.

– Я не верящий! – нахмурился Коля. – Чего я врать-то буду?

– Ой, ладно! – отмахнулась мама. – Как хочешь!

В автобусе девочкам на этот раз понравилось. Они всю дорогу болтали без умолку, во что-то играли между собой, пели песенки, и Коля, видя, что ими любят все пассажиры, был очень горд. И вдруг грустно стало оттого, что они уже такие большие и маленькими никогда не будут. Как-то по-новому взглянул на них, будто чужими глазами.

До церкви дошли незаметно. Девчонки прыгали и приплясывали на ходу. Им было очень интересно так далеко путешествовать.

Из дверей церкви уже выходили пожилые женщины, обедня закончилась. Присев на скамеечку, мама вынула из сумки три косыночки, одну повязала сама, другую сунула Коле:

– Таше голову прикрой.

А сама притянула к себе Дашу и, зажав ее между коленок, чтобы не крутилась, завязала на ней косыночку под подбородком, как матрешке.

– А мне не надо платочек? – поинтересовался Коля, возясь с Ташей.

– Тебе не надо.

Мама встала перед входом, перекрестилась и поклонилась. Это Колю так смутило, что он чуть было не схватил маму за руку, чтобы не позорилась. Но мама уже была за порогом.

Их окутали теплый душистый сумрак, тихий говор и мерцание тоненьких розовых свечек.

Мама, поставив их возле стены, куда-то пропала. А Коля, держа девчонок за руки, оглядывался с любопытством. Парни из его класса несколько раз ездили в какую-то церковь, посмотреть, и его с собой звали:

– Там здоровско так! Свечки, иконы разные блестят, и надушено чем-то!

Но Коля не хотел. Ему неудобно было пялить глаза на молящихся. Так же неудобно, как смотреть на карликов, или на беседующих глухонемых, или на дурачков с вечно открытыми мокрыми ртами. Молящиеся люди представлялись ему такими же больными и несчастными. Перед ними было так же стыдно за свое благополучие.

А здесь, стоя у дощатой стены, держа девочек за руки, он смотрел по сторонам и никакого неудобства не чувствовал. Народу было мало, видно, все уже разошлись. Две-три пожилые женщины стояли возле икон и о чем-то своем думали. И те, кого Коля встретил на улице выходящими из церковных дверей, тоже были в каких-то тихих светлых думах.

И вдруг мелькнула мысль: «А ведь они все не очень старые. В двадцатых годах, наверно, пионерками были. Иконы жгли, церкви в клубы перестраивали...» Пронеслась мысль, откуда и куда – неизвестно, только легкую тревогу оставила.

А мама уже подходила к ним, раскрасневшаяся, взволнованная. За ней шел священник в черной длинной одежде. Самый настоящий, как на картинках, с лысой головой и аккуратной белой бородой. Отец Василий.

Коля посмотрел на него и залюбовался. Движения священника были необычайно и ненавязчиво красивыми, в глазах были покой и ласка, а голос прямо поразил густой мягкостью. Коля вдруг почувствовал, что этот человек его уже за что-то любит, и за это сразу сам его полюбил.

Одно смущало: как этот славный дед будет в Колином присутствии заниматься таким детским, несерьезным делом, как будто в куличики играть. Это только поп, толоконный лоб, мог в сказке выкрикивать непонятные слова и размахивать непонятными предметами. Коле было заранее стыдно за отца Василия.

– Ну, Серафима, показывай детей. Это твой старший? Крестный, значит, будет? Хорошее дело, умница! Ну пойдем, исповедую тебя, а потом и Николая твоего.

Отец Василий отвел маму к высокому столику у стены и тихо заговорил с ней. Хоть и тихо, но такая уж акустика была в этой церквушке или голос такой силы у священника, что Коля, отвернувшись к иконам и стараясь не вслушиваться, все же слышал:

– Грех, да, грех, верно понимаешь. Да вижу, Господь-то уже и простил, и благословил. От греха-то, голубушка, такие дети не выходят. Вон каких ладных вырастила, значит, Господь благословил. А вот что стариков забыла, это грех тяжелый! Думай о них и прощения со слезами проси. На могиле была? Ну верно, верно, умница, своди их, крещеных, порадуй родителей. Ладно, голубка, Бог с тобою!

Он накрыл наклонившуюся маму черной тканью и сказал что-то на неземном языке. А потом обратился к Коле:

– Ну, Николай, иди ко мне, побеседуем. Уж какие-такие грехи у тебя могут быть – не придумаю. Больно глаза у тебя ясные. Что мать бережешь – знаю, что сестер растишь вместо отца – знаю.

Куревом не грешишь? Вина не пьешь? Молодец, так и держись. От этой пагубы человек человеком быть перестает – и сам не замечает, как так вышло. Вроде все то же, две руки, две ноги, а душа уже не человеческая. А ты – человек, на этом и стой! Лет-то тебе уж сколько? Ну так с тобой обо всем можно говорить. С женщинами попусту не сходишь. Оно захочется скоро, а ты помни, что это не ты, Никола Морозов, хочешь, а тот скот, что внутри у всех нас сидит. Победи этого скота, взнуздай его, пусть тебя слушает – вот тогда будешь счастлив и силен. Все, вижу, понял. Ну теперь голову наклони.

Это не было смешно. Это не было стыдно. Это была удивительно красивая и настоящая жизнь, только другая, вроде инопланетной. Но очень хотелось приобщиться к ней, как к давно забытой родине.

Коля стоял позади притихших девчонок, держал в руках свечи, слушал неземные слова и понимал, что все здесь верно и правильно, потому что красиво. И девочки, его кукарямбы, которых он сам вынянчил, оказались, называются в этой жизни Дарией и Татианой. Ух как радостно от этого билось сердце!

Мама расцеловала их всех троих, когда они вышли из крестильной. Лицо ее было мокрое и соленое.

Отец Василий дал всем в рот на ложечке чего-то красного и сладенького с булочкой. А на прощание обнял Колю за плечи и подвел к одной из икон:

– Вот, гляди! Это Николай Угодник. Не умеешь молиться – неважно, не хочешь лоб крестить – как хочешь. Просто посмотри ему в глаза и почувствуй. Это дед твой Николай на тебя его глазами смотрит и о тебе думает. Понял?

«Понял», – думал Коля, глядя в строгие глаза крепкого старца на иконе.

«Понял», – думал он, глядя на два креста рядышком на маленьком пустынном кладбище возле церкви: «Морозов Николай Иванович. 1906–1962», «Морозова Анна Михайловна. 1910–1965».

«Понял», – думал он, глядя в тревожные глаза деда Николая на фотографии в маленькой комнате старого дома.

Мама тихонько подошла и положила голову ему на плечо.

– Мама, а отец мой кто? – спросил Коля, не отрывая глаз от фотографии.

Мама помолчала, потом начала тихо:

– Мы учились вместе. Это сын Веры Ивановны, Игорем звали. Мы с ним друг в друга лет в двенадцать влюбились. Ну, конечно, сначала виду не показывали. Издалека поглядывали.

Ох, какой это был парень! Красивый – только в кино такие бывают! Интеллигентный! Всю совхозную библиотеку перечитал. Да дома, ты сам видал, сколько книг у Веры Ивановны.

Парни-то наши были, сам понимаешь, деревня, на каждом слове мат-перемат, а от него никогда я такого не слышала. А честный, благородный был – прямо рыцарь.

Не знаю, что только он во мне нашел. У нас девчонки были очень даже красивые, а я была как парень – плечи широкие, сама худая. И сильная была, меня парни даже побаивались. А он в восьмом классе стихи мне написал. И поцеловались мы с ним тогда в первый раз.

А потом вместе в техникум уехали поступать – в Ленинград. Это ж только-только после войны. Меня мама с папой не хотели пускать. Время было такое, что девчонке одной опасно. А с Игорем отпустили, очень все ему верили. И все три года, как учились, вместе были, и на занятиях рядышком сидели, и уроки вместе делали. Только ночевать по разным комнатам расходились. Как мне все девчонки завидовали! Нас в комнате шесть человек было, девчонок. Как завидовали! А по воскресеньям куда-нибудь с ним ходили: во всех музеях перебивали, в театрах много раз, ну про кино уж и не говорю. И никогда нам друг с другом не надоедало.

Только-только техникум кончили, а тут и повестка в армию. Мы-то с ним уж давно решили: как только восемнадцать исполнится – сразу женимся. А тут армия!

И вот тогда я все и сделала! Почему мне это в голову пришло? То ли читала я где-то, то ли в кино видела... Хотя в кино такое не показывали тогда... Девушка будто любимого в дальний путь провожает и, чтобы он думал там о ней... ну как это... ну отдается... Я ему сама велела... Очень была решительная.

Проводила, поревела. А через месяц оказалось, что ребенок будет. Ты то есть будешь. А я, дуреха, и писать ему об этом не стала. Думала, сюрприз будет. Вернется Игорь-свет из армии, а его сын встречает: «Здравствуй, папа!».

Мечтала, мечтала и домечталась. Письма-то и перестала получать. А через полгода пишет он мне: мол, прости, никогда тебя не забуду, но на другой женюсь – она ребенка от меня ждет. Не могу, пишет, совершить бесчестный поступок и бросить ее. Я и отвечать не стала.

– Почему? Ты ведь тоже...

– Не могла же я испортить ему благородство. Я же его любила, – грустно улыбнулась мама.

– А у девочек кто отец?

– Ну, это другая история... Потом как-нибудь...

В середине августа засобирались в город. Маме пора было выходить на работу. Баба Катя накануне отъезда помогала укладываться и заранее утирала слезы.

Коля в последний раз проехался знакомой дорогой до Красавина, а потом по шоссе и по лесным дорогам к дому.

День был холодный, влажный, серый. В такой день только и прощаться. Полуразрушенная школа мигнула ему издали слепыми глазами. Заборчики, калиточки, воротца.

Вот у того невысокого зеленого заборчика все лето стояла белокурая барышня Колиного возраста в одной и той же позе, положив сплетенные руки на забор, а голову – на руки, и провожала долгим туманным взглядом. Он так к этому привык, что замечал по ней дорогу: школа, через три дома почта, потом дура на заборе, потом через два дома магазин.

Сегодня барышни не было. Уехала? А может, смотрела на него из окна?

По шоссе крикливыми караванами тянулись легковые машины – дачники возвращались в город. Везли они с собой ведра с грибами, вареньями, соленьями, а еще раскладушки, табуретки и даже небольшие лодочки с веслами.

Вот пошел ельник, теперь налево по лесной дороге. Здесь по ельнику ехать было лучше, мелкая дождевая пыль, висящая целый день в воздухе, оседала где-то наверху, на тяжелых еловых лапах, а мягкая, усыпанная пружинистой хвоей дорожка была совсем сухой. Зато и темно же здесь было. Приходилось вглядываться, а то дадут подножку коварные еловые корни. Но вот впереди посветлело, ельник кончался.

Если отсюда свернуть по этой тропиночке, а потом обойти с запада болотце, то можно бы и грибов набрать напоследок – самый грибной день. Но времени нет, да и некуда их собирать, грибы эти. Ладно, до будущего года.

Вот и светлый лиственный лесок. Поздняя зелень цвета хаки уже пересыпана желтыми крапинками. Здесь на всем этот осенний оттенок: на листве, на луговине, на сырой дороге.

«Какой же это цвет? – думал Коля, неторопливо крутя педали. – Если к желтому добавить бурый и серый еще, где побольше, где поменьше. Ну и что выйдет? Куча грязи. А у художника получилось бы. Вот буду зарабатывать, куплю настоящие краски, масляные, в тубиках, и попробую».

Вернулся грустный, даже усталый. На улице ополоснул покрышки, спустил воздух, в сарае обтер досуха металлические части, в последний раз смазал суставчики и повесил на крюк.

Когда он собирал в чемодан свое белье, пришла бабка Нина и поставила на стол большую миску:

– Творожку вам с собой. Да убери, Светка, деньги свои! В город завтра приедете – вот вам и ужин сразу готовый.

Расцеловалась с мамой, резко отвернулась, потискала девочек:

– Уй, кнопки какие сладкие!

А Колю крепко хлопнула по спине:

– Мужик что надо!

И ушла с мокрыми глазами.

За окном уже смеркалось.

– Мам, я схожу к бабе Дусе и к Вере Ивановне.

Мама молча кивнула.

Баба Дусенька лежала на кровати в своей крохотной теплой комнатке и слушала по радио «последние известия».

– Ко-олюшка, – стоном отозвалась она на его приветствие.

– Баба Дуся, а мы завтра утром уезжаем.

– Куда-а ж это вы?

– Да в город, домой. Август кончается, маме на работу пора. А мне в школу скоро.

– Да что, уж и лето кончилось?! – баба Дуся даже руками всплеснула. – Да ма-атушки, да что ж так скоро-то!

Слезы у Дусеньки всегда были наготове и сразу побежали по проторенным дорожкам морщинок.

– До будущего лета, баба Дуся. Приеду – опять буду тебе продукты покупать.

– Нет уж. Помру я в эту зиму, – вдруг перестав плакать, с воодушевлением произнесла Дусенька. – На могилку придешь ли? Приходи, смотри, милоч, ждать буду.

Коля уже выходил из избы, а она еще раз слабо прокричала вслед:

– Приходи, смотри, на могилку.

Вера Ивановна усадила Колю за стол, села напротив и взяла его руки в свои. Руки у нее были сухие, холодные и чуть дрожали. В углах глаз собирались слезы.

И Коле захотелось заплакать оттого, что он не смел ей ничего сказать. Имел ли он право знать о печальной тайне, связавшей двух женщин? А вдруг ранил бы неосторожным словом? Лучше было сидеть молча и сдерживать слезы.

Наконец Вера Ивановна поднялась, взяла в руки книгу, которую хотел вернуть ей Коля, и сказала:

– Ты ведь, наверное, еще не дочитал? – голос дрогнул, но не сорвался. – Так возьми, возьми ее с собой. Я буду рада. Ну счастливо, родной.

Обнялись, поцеловались. И Коля на улице все же поплакал, хорошо, что уже темнело.

К ужину опять пришла баба Катя и принесла целую кошелку горячих пирожков. И все-то по форме были разные, чтобы сразу различить, который с чем. Пирожки с рисом и яйцом были продолговатые, гладенькие, сверху нежно-золотистые. Пирожки с картошкой и грибами были с густым южным загаром и причудливым гребешком. Пирожки с брусничкой – кругленькие, румянькие, как сами ягоды. А были еще сахарные витушки, туго и хитро переплетенные. Хоть ешь, хоть любуйся!

– Ох, да хоть бы ты меня научила, как печь, – вздохнула мама, откусывая от грибного пирожка.

– А чего учить-то? – искренне удивилась баба Катя. – Не знаю, чего тут учить. Меня-то не учили. Просто пеку, как матушка моя да как бабушка моя.

– А почему у меня так не выходит? Сколько чего в тесто кладешь?

Баба Катя добросовестно вспоминает, но все ее пропорции только горстками и стаканчиками измеряются. Ей и слов-то не хватает, руки сами разговаривают, бросают горстки того-другого, месят невидимое тесто.

– Вот теперь и вбивай туда мучку-то, и вбивай, пока тесто не выйдет.

– А как понять, что уже вышло тесто?

– А вот как стало такое, как тельце, живенькое, тепленькое. Его за краешек возьмешь – оно колобочком все и подымет! Вот тебе и тесто готово! Теперь его, тестечко, перекрести, поцелуй, да и пускай себе в теплом месте подходит.

– А зачем его целовать? – удивляется Коля.

– Да как же! Живое ж! Растет, дышит, ласку чувствует. Это ведь Царь наш небесный так Адама делал: месил глинушку, месил, может, и еще чего добавлял. А потом, как замесил, так дыхнул на его с лаской – вот и вышел человек.

Мама рассмеялась, как девочка, на ноги вскочила и обняла бабу Катю крепко-крепко.

Утром, едва забрезжило, поднялись. Пока мама подогрела на плитке молоко, чтобы не возиться с печкой, влетела бабка Нина, схватила один из чемоданов у дверей и крикнула маме на ходу:

– Я вам до остановки донесу, чего мне порожняком бегать, мне все равно в правление надо. У Любы-почтальонши поставлю.

И след ее простыл. Мама только руками развела.

Зашаркала в сених баба Катя, вошла, опять обняла всех и зашмыгала носом:

– Собрались... Ну-ну... Сядем, посидим на дорожку.

Все послушно присели. Коля обвел глазами весь этот ветхий и уютный мир, где ему было так хорошо, и сердце сжалось.

И пошли. Коля с чемоданом, рюкзаком и сумкой. Мама с двумя ведрами. Баба Катя с тремя котомками. А девчонки вприпрыжку впереди.

Вера Ивановна махнула им с крыльца рукой и долго смотрела вслед.

В Красавине, на автобусной остановке, баба Катя заволновалась, засутилась, побежала на почту. Вернулась с чемоданом, заговорила, замахала ручками, беспрестанно оглядывалась и здоровалась со всеми подряд, а потом торопилась объяснить маме:

– Шурку Бойцову-то помнишь? Мать у нее фелшером была. Ну Марья-то, всем вам уколы делала, помнишь? А это Шурка, трое детей у нее, муж на грузовике шоферит. Михал Петрович, доброго утра... Михал Петровича помнишь, буалтера-то?

Когда подошел автобус, баба Катя совсем растерялась, забегала с вещами. Мама пыталась поцеловать ее на прощание, а она все вырывалась и опять хваталась за вещи. Наконец двери автобуса закрылись. Лицо у бабы Кати за окном сморщилось, глаза часто-часто заморгали. И Коля, глядя назад, сколько удалось шею повернуть, видел, как рука ее перекрестила увозящий их автобус.

6. Страшный год

Вид родного дома по приезде очень удивил Колю. Все городское за лето как будто усохло и помельчало: два тощих деревца во дворе-колодце, замызганная лестница на четвертый этаж, облезлая дверь, скучная мебель в комнате.

Высокий, в три метра, потолок вдруг оказался совсем рядом. Коля почти дотянулся рукой до старенькой люстры: подпрыгни – и достанешь. Но прыгать не стал: и так паркет под ним угрожающе потрескивал.

1 сентября на линейке одноклассники, увидев Колю, подняли восторженный рев, а классная руководительница восхитилась:

– Коля, как же ты вырос за лето!

А вырос так, что ее голова теперь не доставала до Колиного плеча. Девчонки, глядя в его сторону, шептались и задорно посмеивались:

– Морозов, ты прямо поручик Ржевский! Какие усы!

И верно, выросли! И когда только? В деревне особенно в зеркало-то и не смотрел, а тут увидел себя чужими глазами, и усы сразу стали мешать. Хотелось их все время тереть против шерсти.

Так сильно возмужал в классе один Коля. Остальные парни казались гораздо моложе своих одноклассниц, поражавших воображение женственными фигурами и загадочными улыбками.

Над классом закружилась стая амуров, и в воздухе стоял свист от их золоченых стрел. Колин друг Серега даже расплакался однажды по дороге домой, уткнувшись в холодный бок водосточной трубы. Любимую провожал домой парень из десятого класса.

Первое время эта забава заразила и Колю. Но стоило ему вообразить себя влюбленным в ту или иную школьную фею, как с «предметом» начинали происходить странные метаморфозы. Фея начинала сталкиваться с ним в самых неожиданных местах, очень громко говорить, очень заливисто хохотать и без конца поправлять волосы. Коле становилось так смешно и противно, что всю любовь как рукой снимало.

Он пробовал объяснить это Сереге, но тот не понял:

– Так что тебе еще надо? Значит, нравишься, счастливцев!

А Коля и впрямь не знал, что ему надо. Но уж точно что-то другое.

– Чего ты такой камень бесчувственный? – позавидовал как-то друг.

Добросовестно подумав, Коля объяснил:

– А это потому, наверно, что я до сих пор сестер сам купаю и на горшок сажаю.

Друг Серега тоже добросовестно подумал и согласился:

– Да, наверно, поэтому.

Побывал Коля в первый раз в жизни на настоящей попойке. У одноклассницы был день рождения. Раньше Коля стеснялся ходить на такие мероприятия: дома мама такого не устраивала. А тут заявила к ним домой целая делегация из классных красавиц и как начала уговаривать! Растроганная мама закивала: «Ну конечно, конечно, сходи!» И Коля пошел.

Вечеринка была без родителей, решивших не мешать. Парни принесли с собой и вина, и водки и старательно надрались. Табачный дым гулял клубами по всем трем комнатам, хотя курили, как воспитанные люди, только на кухне. Зато все сразу. Кроме Коли.

С него было достаточно двух бокалов шампанского. Первый он выпил с удовольствием, второй – с отвращением. И почувствовал себя как на тонком льду, ломающемся под ногами. Руки и ноги стали ватными, язык говорил что-то сам собой, и сонный мозг с трудом его догонял, тем более что очень мешал оравший без умолку магнитофон.

Чтобы иметь возможность не пить, не курить и не говорить, Коле пришлось весь вечер танцевать. И перетанцевал Коля со всеми девчонками по два раза, строго придерживаясь алфавита, чтобы кого не пропустить. От Андреевой до Якуниной. А потом опять от Андреевой до Якуниной. Он очень усердно прыгал и вдохновенно топтался на месте – получалось вроде ничего. Но устал Коля страшно.

Дома мама принялась к нему и сокрушенно покачала головой. А Коля сердито проворчал:

– Чтоб я еще когда...

А на тех, с кем веселился на этом празднике, долго смотреть не мог.

Вообще количество тех вещей, на которые он не мог смотреть, росло с каждым днем. В душе копилась странная тяжелая муть. Теперь его раздражали все и всё!

Люди, которых он знал с первого класса, будто сняли маски и стали молодыми жизнерадостными скотами. Парни были грязными до тошноты, с невымытыми шеями, нестиранными носками и нечищеными зубами. От них теперь вечно несло омерзительным табачным перегаром, а глаза были пустые.

Было в классе трое чистеньких умненьких мальчиков, всегда державшихся вместе, но их Коля вообще возненавидел. Ему казалось, что они, в свою очередь, видят скота в нем самом.

Одноклассницы были, конечно, безукоризненными чистюлями, но тоже внушали Коле отвращение. Глаза открылись, маски были сорваны, и за этим девичьим очарованием скрывалось желание грязно, похотливо нравиться. Все шло в ход: кружевные воротнички на школьной форме, изящные заколочки в волосах, губки бантиком, глазки пульками – чтоб наповал! И все как одна – глупые пробки, у всех одно на уме!

Он огрызался, грубил, рычал на всех вокруг. А потом чувствовал себя виноватым. И убеждал себя, что прав!

Он рычал дома на сестренку, и они обиженно ревели, но потом все равно лезли к нему на руки и мешали делать уроки. И он оттаивал, так остро, что даже до слез.

Только на маму не рычал. Потому что она бледнела от каждого его хмурого взгляда. Он знал, о чем она думает – что в чем-то виновата перед ним! И это было невыносимо.

С грустью вспоминал он летний мир и покой. И так хотелось съездить в маленькую деревянную церковь к отцу Василию – он наверняка помог бы!

Когда подступала тоска, Коля твердил про себя как заклинание: «Дедушка, дедушка, дедушка...». И сам не знал, кого зовет на помощь: деда ли Николая, отца ли Василия. А может, и Николая Угодника. И тут же злился сам на себя за эту слабость.

Вот так несколько месяцев росло, росло в Колиной душе предчувствие тяжелых перемен.

Тихим снежным воскресным утром в середине зимы мама побежала по магазинам. Коля сидел над алгеброй. Девчонки сидели на полу и рисовали цветными карандашами: Даша – елку с игрушками, Таша – принцессу с букетом.

В дверь позвонили четыре раза. К ним.

У порога стоял парень в грязноватом пальто и облезлой ушанке. Из-под ушанки торчали неопрятные волосы.

– Мне Свету Морозову, – нерешительно промямлил он.

– Она в магазине. Придет скоро. Проходи, подожди ее.

Парень медленно вошел в прихожую за Колей, снял шапку и пальто, не спуская с Коли глаз.

– А ты, что ли, сын ее? – голос у парня был высокий и хриловатый.

– Сын.

– Как звать?

– Николай.

– А меня – Леха.

Коля ждал, что парень объяснит, кто он такой и что ему нужно, но не дождался. Леха молчал и все смотрел на него. И так смотрел, что Коля почему-то раскрыл ему дверь комнаты:

– Ну проходи.

Леха вошел, увидел сопящих над своими рисунками девчонок и встал столбом.

– Сестры твои? – глаза у Лехи выкатились и как-то обесцветились. – Сколько им?

Услышав ответ, он опустился на стул, очень растерянный. Коля сел напротив и стал ждать продолжения. Ему это уже совсем не нравилось.

Леха все молчал и смотрел на девчонок, а Коля рассматривал нежданного гостя.

Этот Леха, пожалуй, давно вырос из парней. Волосы, хотя и длинные по-битловски, на висках были седые, а на макушке проглядывала плешь. На совершенно мальчишеском лице было множество морщин, которые под глазами собрались в мешочки, как у старика. Вот и пойми, сколько ему лет.

– Да ты хоть кто? – наконец не выдержал Коля.

Леха как будто очнулся. Растерянно и виновато заулыбался, крепко потер ладонью лицо и смущенно пробормотал:

– Да понимаешь... тут такое дело. Я, наверно, сестрам твоим... папа, что ли...

Теперь пришла очередь Коле остолбенеть! Дверь открылась, вошла мама, взгляделась в гостя и тоже застыла.

– Здравствуй, давно не видались! – сказала она наконец очень сердито.

Леха вскочил и затоптался на месте. Коле стало жалко его.

– Обедать с нами будешь? – спросил он как можно дружелюбнее, расставляя на столе тарелки. Леха только плечами слегка дернул, будто пожегся.

– Садись, садись, – смягчилась и мама. Но за столом оба молчали и друг на друга не глядели.

Пообедав, Коля собрал посуду и понес на кухню мыть. А когда вернулся, они уже тихо разговаривали. Леха взял было мамину руку – она ее тут же отдернула.

– Ну не сердись, Светлуха. Ну очень уж хотелось тебя найти. Вот, нашел.

– Ладно, нашел. Теперь что?

– Это мои ведь? – произнес он одними губами, кивая на девчонок.

– Предположим, – одними губами ответила мама. – Дальше.

– Можно я им куплю чего-нибудь?

Мама молчала, глядя в стену.

– Светлуша, ты пойми. Плохо мне. Я один. Ты не одна, ты счастливая. Ну пойми же... Разреши, я буду в гости... Мешать не буду, просто приду, посижу и пойду. А ты на меня и не смотри... как будто меня нет...

Мама еще помолчала, потом нехотя обронила:

– Ладно...

Леша просиял.

Коля испугался, что подслушивает, и отошел к своему подоконнику, на котором делал уроки.

Они с мамой еще немного поговорили за Колиной спиной. Кажется, мама стала разговорчивее, даже спросила его о чем-то, а Леша торопливо и длинно ответил. Потом, кажется, собрался уходить, но сначала, как заметил Коля краем глаза, подошел к девчонкам, сидевшим после обеда на полу со своими куклами. Постоял, потом присел на корточки так осторожно, как будто боялся спугнуть птичек.

– Я пошла в магазин, – деловым маминым голосом объявила Даша, стуча об пол старой, совершенно лысой куклой, которую девчонки по старой памяти величали Кудрявинкой, – надо купить картошки, и луку, и морковки.

– Купи еще золотое платье и хрустальные туфельки. – Ташина пластмассовая кукла Лотя, вечно занятая своими девичьими грезами, парила в воздухе, размахивая самодельной юбкой из носового платка. – Мне надо опять идти на бал, а то принц в милицию пойдет – меня искать.

Леша, сидя рядом на корточках, сосредоточенно всматривался в их розовые щекастые рожицы. Потом все так же осторожно поднялся и подошел сзади к Коле. Коля обернулся.

– Пока, Колян. Я еще зайду как-нибудь. Можно?

– Заходи.

Леша радостно хлопнул Колю по плечу, тут же смутился и повернул к двери.

Проводив его, мама вернулась в комнату, села на диван и задумалась. Коля молча присел рядом.

Она коротко взглянула на него и тихо проговорила:

– Ты не думай, он тогда такой не был. Случилось с ним что-то. Спился, наверно, дуралей.

А был вполне приличный парнишка.

Мама еще немного помолчала. Коля терпеливо ждал.

– Знаешь, сынка, первые годы, пока тебя растила, очень мне было трудно. Ни о чем не думала и думать себе не давала, как машина работала, лишь бы только тебя поднять. С трех месяцев в ясли тебя отдала... А потом все в одну кучу смешалось: день, ночь, зима, лето. Ничего не видела.

А пошел ты в школу – оказалось, ты такой большой, такой самостоятельный... Прямо мужичок с ноготок... Вроде и малышом-то никогда не был. Вот как. Все я забыла, потому что все хотела забыть. Думала, что так легче. А все забыть – это...

Мне папа с мамой тогда письмо прислали, постыдили. Что ж ты, мол, нас на всю деревню опозорила? Как мы людям в глаза смотреть будем?

А я им в ответ: «Считайте, что у вас больше нет дочери!»

Ушла из общежития, комнату стала снимать. А денег-то... Откуда у меня?... Хозяйка меня пожалела, золотая женщина, через знакомых как-то устроила, чтобы площадь мне предоставили. Лимитчице-то знаешь каково?

Вот так мы с тобой здесь и поселились. А адрес я свой никому не сказала: ни подругам, ни на работе, чтобы никто обо мне ничего не знал.

Папа с мамой искали меня здесь, в Ленинграде, – не нашли. А пока я в себя приходила, они оба и умерли, в один год.

Мама замолчала, несколько раз шумно глотнула, потом перевела дыхание и продолжала так же спокойно и грустно:

– Поняла я, что ты уже большой, и такая тоска на меня навалилась! Хочу ребенка – и все тут. Хоть на стену лезь...

Хотела взять из детдома какого-нибудь малыша, а мне наотрез отказали. Мужа нет, жил-площадь маленькая, зарплата – дай бог одного-то прокормить. А что я не могу без ребенка – так мало ли кто без чего не может!

А я ж как увижу женщину беременную или с ребеночком маленьким в колясочке – прямо кипит внутри, больно так кипит, сил нет.

Помаялась, пострадала – решилась. Папы с мамой, думаю, теперь нет у меня, краснеть за меня некому. Выберу сама отца для своего ребенка, уговорюсь с ним, чтобы не жениться и вообще дела с ним больше не иметь, – и будет ребенок у меня. И растить буду вас обоих.

Вроде, казалось, легко, а оказалось – не тут-то было. Какого попало пьяницу или бабника я не хотела. А если мужик хороший, так от него потом и не отвяжешься – скажет: я отец, и все тут! А я больше ничего не хотела: ни мужа, ни любви. Отлюбила в свое время, ничего не

осталось. В таких случаях, я слыхала, с женатыми мужиками уговариваются, а мне и это не нравилось. Пусть бы все на мне одной, зачем я какой-то незнакомой жене вредить буду.

И вот тогда к нам на завод парнишка приволился, этот самый Лешка, только-только после техникума. В армию его не взяли: горбатый. В детстве позвоночник ушиб, а родителям наплевать было. Вот и прозевали...

– Он разве горбатый? – удивился Коля и тут же припомнил Лешин небольшой рост и очень сутулую спину.

– Горбатый-то еще ладно, пусть. Но уж такой малахольный, такой никчемушный. Кто позовет – он сразу бегом. Кто над ним посмеется – он тут же подхихикнет. И начальство его грызло без конца, он ведь за что ни возьмется – все заперет.

И стала я за ним как за маленьким ходить. Там за него доделаю и переделаю, там от начальства укрою, жалко же мальчишку. А Лешка ко мне привязался, как цыпа за клушей бегал.

Мне вдруг в голову-то и пришло: лучше его не найти. Молодой, почти здоровый, что спина, так это не с рождения. Зато и в мужья набиваться не посмеет – какой из него муж?!

Вот так все и получилось.

Я сразу с фабрики уволилась, на другое место ушла, совсем далеко, чтобы не встретиться с ним случайно. А девчонки родились – я и думать о нем перестала.

Но как же он изменился за шесть-то лет всего! Наверно, в компанию попал. Он ведь шестерка: куда позовут, туда и побежит.

Мама говорила спокойно и грустно, а по ее щеке сама собой ползла слеза, словно дождевиком капнуло.

Леша стал приходить каждый день.

Сначала на чуть-чуть. Даже иной раз и в комнату не войдет, из коридора заглянет, высмотрит светлые макушки девчонок – и обратно:

– Да нет, нет... Я только так заглянул. Некогда, пойду я...

Сунет Коле пакет конфет или печенья – и за дверь. Но потом освоился, перестал стесняться. Охотно садился пить чай, особенно если приносил с собой что-нибудь сладкое.

Разговорчивым стал до надоедливости. Если мамы не было дома, он без конца рассказывал Коле о своей жизни. Жизнь-то у него была печальная, но рассказывал он с удовольствием и потешался над своими бедами.

– Папаня с маманей у меня молодцы такие, ну просто хохма! В школе друг с дружкой любовь крутили, крутили и докрутились. Сначала я родился, а уж потом родители их в ЗАГСе расписали. Вся родня на дыбы встала, съезжались, разъезжались, чуть не пол-Ленинграда с места сдвинули, выменяли двухкомнатную квартиру. Это в сталинское-то время послевоенное! Представляешь? Да не, не представляешь! У мамани моей родители партийные работники были, а у папани отец с войны весь в орденах прибыл. И все равно тяжело эта квартира досталась, мне потом соседки мои рассказали.

Ну вот. Сделали им родители такой широкий жест – теперь как хотите, так и живите. А им, папашке с мамашкой, по семнадцати. Они и рады, большие уже! Меня растили, растили, как умели. А через четыре года на развод подали. Здорово?

А уж до чего умные они стали за четыре-то года – жуткое дело! Развелись и все пополам поделили, все, что нажили, то есть что дедушки-бабушки им надарили. Перевели они все это в рубли-копейки и все посчитали – образованные!

И меня ведь поровну поделили, тоже добро нажитое, хоть и не комод полированный. А поделили меня так... Ну подохнуть, до чего смешно! Одну неделю живу у мамы, другую – у папы. Здорово? Вот такие мыслители!

Мамка-то сразу замуж выскочила и Таньку родила. А муж ее мне и говорит: «Ты мне здесь не нужен!» Это пятилетнему-то!

Потом и папка женился. Жена у него ничего, хорошая, добрая, тетя Оля. Жили в коммуналке, в пятнадцати метрах, но она меня все равно терпела, никогда не ругала. А потом ребеночек у нее родился, Саша, Сашок, – совсем тесно стало. И втроем-то было бы не сахар, а тут я еще. И все равно она мне никогда слова плохого не сказала. Наоборот, мамку мою еще уговаривала, чтобы меня у себя совсем оставить, чтобы не мотался я из одного дома в другой.

Ты вообще как себе это представляешь? Вот живу я неделю у мамки. Каждое утро дядя Вова берет меня за шкирятник, тащит в садик и всю дорогу меня матом кроет. Вечером после работы забирает, тащит за тот же шкирятник домой и опять всю дорогу матом. Дома я сяду на диване в уголок, я у них на диване только и жил, выну из своего мешочка игрушки и копошусь с ними. А игрушки у меня – две машинки, тетя Оля купила, и те, что Танька поломала, рожки да ножки.

Кормила меня мамка после дядьки Вовы, чтобы он не злился. Он поест, отвалится и приползет на диван, телевизор смотреть. Тут уж я с дивана обязан был уйти и глаза ему не мозолить, вот тогда меня мама на кухне и кормила. Потом я тихонько в спальню уходил, сидел там возле Таньки, смотрел, как она в своей кровати игрушки грызет. А если заплачет, то я сразу в кладовку прятался, потому что если дядька Вова прибежит да меня рядом увидит, то тут же мне по затылку на всякий случай.

Смешно? Думаешь, такое только в книжках про старые времена бывает? Вот сейчас тебе это все говорю и сам не верю, что так бывает.

Ну вот. А как телевизора своего насмотрится, тут я должен из спальни уйти, потому что он спать придет, а на диване мне мама постелет. И все, спать. Вот так-то. Ну прожил я до воскресенья. Дядька Вова как с субботнего вечера налился, так и все воскресенье веселый, даже, бывает, разрешает пообедать со своей светлостью за столом. И прямо ржет от радости: теперь, мол, уедешь к своему такому-растакому отцу, целую неделю твою поганую рожу не увижу. Вот как радуется!

После обеда, в три часа, за мной папаня приезжает. Мамуля меня на прощанье поцелует, по головке погладит – и поехали в другой дом.

Там мне лучше было. Как приеду, тетя Оля сразу меня мыть в большом тазу. Тогда в этой коммуналке ванны не было, только потом поставили, когда я уже школу закончил. Вымоет меня, подстрижет, если нужно, во все чистое оденет – и кормить скорей. Кормит и чуть не плачет надо мной. Вот маленький был, а понимал, что чуть не плачет. А потом бежит стирать, что на мне было. Мама-то мне ничего не стирала, считала, что с нее и Танькиного писаного белья хватит.

Там у папы телевизора не было, зато у меня уголок был, даже со столиком. И одежда моя вся была у тети Оли в шкафу. А на ночь мне раскладушку ставили. Мне в этой комнате все нравилось. Там и вид хороший из окна, деревья прямо в комнату смотрят. А за деревьями улица. Вот если вбок посмотреть, то за деревьями зоопарк видно. А в другую сторону если выглянуть – Петропавловка совсем рядом.

Я сейчас в этой комнате один живу. Папа с тетей Олей новую квартиру получили...

Вот... А как в школу мне идти, мои чудики еще лучше учудили: школу выбрали посередине между двумя домами. Специальное разрешение для этого в РОНО добыли, на лапу то есть дали. Все от большого ума.

Мне из одного дома на трамвае шесть остановок, а из другого – на автобусе пять. Зато посередине.

А на родительские собрания ни он, ни она не ходили, только тетя Оля несколько раз была.

Да что... Какое удовольствие им было на эти собрания ходить? Учился я так, что меня за придурка считали, из жалости переводили в следующий класс. Читать-то я научился еще до школы. Таньке книжки детские купят, она их в ключья разорвет, а я эти странички собираю и себе в мешочек. А потом так играю, будто читаю. И как-то вдруг и научился. А дальше – ни в зуб!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.